

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 3. С. 1000–1041.

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 3 (2024): 1000–41.

Научная статья

УДК 908/392

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-3-7>

EDN: HVWOSS

Подвижник изучения регионального историко-культурного наследия П.О. Кириллов

Олег Владимирович Матвеев

Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия,

vim12@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Oleg V. Matveev

Kuban State University,
Krasnodar, Russia,

vim12@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Аннотация. В статье освещается жизненный путь и историко-культурное наследие одного из представителей учительского краеведения дореволюционной Кубани П.О. Кириллова (1853–1917). Работы регионоведа о населении станиц Новоминской, Стародеревянковской и Рязанской, очерк о черноморской свадьбе, опубликованные им фольклорные материалы и архивные документы относятся к начальному этапу изучения исторического прошлого и духовного богатства Кубани, связанному с накоплением фактического материала и отражающему подходы к народной культуре середины и второй половины XIX в. Научное значение этих сочинений невелико, но они пробуждали интерес к живой старине, к богатому историческому опыту края, закладывали определенную базу и формировали преемственность в изучении Кубанского региона. Во многом любительский характер публикаций П.О. Кириллова, эпизодичность, описательность, некоторая предвзятость, следование устоявшимся предубеждениям с позиции европейского просвещенного взгляда на «невежество» и «суеверия», несколько высокомерное отношение к миру народной культуры не позволили краеведу в полной мере оценить все богатство и мировоззренческий смысл духовного наследия кубанцев. Его работы отражают уровень фольклорно-этнографического краеведения конца XIX столетия, когда «живая старина» зачастую не осмысливалась как целостная система, связанная с культурой жизнеобеспечения и ценностными установками существования народа. Ошибки, предубеждения и искренние заблуждения П.О. Кириллова не умаляют его существенного вклада в сохранение для потомков текстов «живой старины». СобираТЕЛЬСкая деятельность краеведа предоставила

© Матвеев О.В., 2024

© Matveev O., 2024

последующим поколениям исследователей возможность изучения уникальных текстов, проведения сопоставительного анализа и прослеживания динамики развития традиционной культуры кубанского казачества. Публикации П.О. Кириллова позволяют выявить особенности народной религиозности, верований, обрядов, этногенетических преданий и песен станичников, дают представление о типичном, локальном и точечном в кубанской традиции, служат подспорьем в работе современных специалистов. Также автором подчеркивается востребованность педагогического опыта П.О. Кириллова, который, осознавая собственное предназначение народного учителя, вместе со своими воспитанниками познавал быт и традиции местного населения, привлекал внимание общества к уникальности и неповторимости родного края.

Ключевые слова: региональная история, статистико-этнографические описания, П.О. Кириллов, народное образование, станичный учитель, народная культура, заговоры, песни, черноморская свадьба

Для цитирования: Матвеев О.В. Подвижник изучения регионального историко-культурного наследия П.О. Кириллов // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 3. С. 1000–1041, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-3-7>; EDN: HVWOSS

P.O. Kirillov: A Devotee of Studying Regional Historical and Cultural Heritage

Abstract. The article covers the life and historical and cultural heritage of Pyotr Osipovich Kirillov (1853–1917), one of the pre-revolutionary Kuban teachers who devoted themselves to the study of the region's local history. The historian's works about the heritage of the stanitsas of Novominskaya, Staroderevyankovskaya, and Ryazanskaya, his essay about the Black Sea wedding traditions as well as folklore materials and archival documents published by him represent the initial stage of studying the historical past and spiritual wealth of the Kuban region. This initial stage is connected to the accumulation of factual material and reflects approaches to the folk culture of the mid- and second half of the 19th century. Scientific significance of these works is not particularly great. However, they awakened interest in the “living old times” and the rich historical experience of the region, laying a certain foundation and forming continuity in the study of the Kuban history. Kirillov's publications were somewhat amateur, episodic, descriptive, and biased, and followed the existing prejudice typical of the European enlightened view of “ignorance” and “superstition.” This somewhat arrogant attitude to the world of folk culture did not allow the local historian to fully appreciate the richness and worldview meaning of the spiritual heritage of the Kuban population. His works reflect the level of folklore and ethnographic local history of the late 19th century, when the “living old times” were often not conceptualized as an integral system connected to the culture of life support and values of the people's existence. However, Kirillov's mistakes, prejudices, and sincere misconceptions do not diminish his significant contribution to the preservation of texts of the “living old times” for future generations. What the local historian had collected gave the next generations of researchers an opportunity to study unique texts, conduct comparative analysis, and trace the dynamics of the development of traditional culture of the Kuban Cossacks. Kirillov's publications reveal the peculiarities of folk religiosity, beliefs, rituals, ethnogenetic legends and songs of stanitsa residents, give an idea of what is typically local and specific in the Kuban tradition, and help modern specialists in their present work. The author of the article also emphasizes the relevance of Kirillov's pedagogical experience. Realizing his own vocation as a teacher, Kirillov together with his students studied the life and traditions of the local population and attracted the attention of society to the uniqueness and originality of his native land.

Keywords: regional history, statistical and ethnographic descriptions, P.O. Kirillov, public education, stanitsa teacher, village teacher, folk culture, incantations, songs, Black Sea wedding traditions

For citation: Matveev, O.V. "P.O. Kirillov: A Devotee of Studying Regional Historical and Cultural Heritage." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 3 (2024): 1000–41, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-3-7>; EDN: HVW OSS

Введение

В изучении регионального историко-культурного наследия Кубани особое место занимает период второй половины XIX – начала XX в. Специальные программы Кавказского учебного округа, Кавказского отдела Русского Императорского географического общества, Кубанского областного статистического комитета задействовали широкую сеть корреспондентов, осуществлявших описание «местностей и племен» в рамках местной краеведческой работы. Эта деятельность во многом была связана с личностью выдающегося организатора научного обследования края, войскового старшины Кубанского казачьего войска Е.Д. Фелицына. Благодаря его инициативе и системному подходу к вопросам региональной истории и этнографии появились описания кубанских станиц, выполненные местными краеведами и опубликованные в «Сборниках для описания местностей и племен Кавказа» и в «Кубанских сборниках». На основе типовой статистико-экономической программы Кавказского отдела императорского Русского географического общества Е.Д. Фелицын создал дополнительный ее вариант, в результате чего программа обрела комплексный статистико-этнографический характер. Она сопровождалась кратким очерком по методике сбора полевого материала, давала разъяснения относительно значения этой работы¹. Привлеченные для собирательской работы местные учителя, станичные атаманы, священники в большинстве своем отличались страстной увлеченностью родной стариной, трудолюбием, бескорыстием. Их сочинениям были присущи элементы теоретического осмысления, наличие определенной авторской позиции. Краеведы начали применять системный поиск архивных материалов и использовать многообразие источниковой базы, пытались дать оценку научной исторической литературе. К истории дореволюционных фольклорно-этнографических исследований на Кубани обращался в своей статье Н.И. Бондарь², наследие Е.Д. Фелицына изучала С.Г. Бойчук³, основные этапы

¹ Бондарь Н.И. К истории фольклорно-этнографических исследований на Кубани (Дореволюционный период) // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода: сборник научных трудов / под редакцией С.С. Минц и др. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1991. С. 116.

² Бондарь Н.И. К истории фольклорно-этнографических исследований на Кубани (Дореволюционный период). С. 114–124.

развития кубанского краеведения прослежены в монографии Т.В. Ратушняк⁴. Однако рядовые станичные краеведы, работавшие по фелицынской программе, до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. В статье предпринята попытка анализа научной и общественной деятельности П.О. Кириллова, одного из этой плеяды краеведов.

Основная часть

Петр Осипович (Иосифович) Кириллов (Кирилов) родился 18 января 1853 г. в Тифлисе в мещанской семье⁵. Образование получил в Тифлисской реальной гимназии. Реальные гимназии были учреждены Уставом 1864 г. наряду с классическими. Они давали неполное среднее образование, основной упор в учебных планах делался на естественные науки. Вместо классических (латынь и греческий) изучались живые иностранные языки. В Тифлисе реальная гимназия была открыта в 1865 г. и располагалась в двух зданиях: на улице Немецкой и на углу Михайловского проспекта и улицы Реутовской. Программа реальной гимназии была рассчитана на 7 классов. Но 7 февраля 1873 г. Петр Кириллов «вышел из VI класса». По-видимому, необходимо было зарабатывать на хлеб насущный. Молодой человек начал давать частные уроки и готовиться к экзамену на звание народного учителя. 7 ноября 1874 г. П. Кириллов

по специальному испытанию в Испытательном комитете Кавказского учебного округа подвергся сокращенному испытанию и по выдержании такового удостоен звания учителя городского приходского и начального училища⁶.

Однако место службы удалось найти не сразу. Лишь спустя 3 года он устроился учителем Тифлисского Петропавловского немецкого церковно-приходского 2-го училища. Здесь Петр Осипович прослужил до 1 июля 1879 г.⁷ К этому же времени относится вступление П.О. Кириллова в брак. Его избранницей стала Евдокия Севастьяновна Батог, родившаяся 4 августа 1855 г., уроженка станицы Баталпашинской, дочь титулярного советника. 5 февраля 1878 г. Петр Осипович венчался в Тифлисской Петропавловской церкви.

³ Бойчук С.Г. Евгений Дмитриевич Фелицын: общественно-просветительская и научная деятельность Е.Д. Фелицына (1848–1903). Краснодар: Традиция, 2010.

⁴ Ратушняк Т.В. Развитие краеведения на Кубани (конец XVIII – первая треть XX в.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013.

⁵ Послужной список П.О. Кириллова // Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 470. Оп. 2. Д. 3769. Л. 4 об.

⁶ Там же. Л. 5 об.

⁷ Там же. Л. 6 об.

17 апреля 1879 г. в семье Кирилловых появилась на свет дочь Анастасия⁸, 16 июня 1881 г. – сын Петр⁹, 17 ноября 1883 г. – дочь Мария.

В апреле 1879 г. были изданы «Правила для частных учебных заведений в Кавказском военном округе», которые предусматривали обучение за счет учащихся в школах трех разрядов. П.О. Кириллов решил попробовать себя на этом неизведанном поприще и стал хлопотать об открытии своей частной школы. Попечитель Кавказского учебного округа разрешил «Тифлисскому гражданину Петру Кириллову, имеющему звание учителя городского приходского и начального училища, открыть в г. Тифлисе элементарное училище 3 разряда для проходящих мальчиков»¹⁰. В 1916 г., когда встал вопрос о выплате пенсии для семьи П.О. Кириллова, в сопроводительных документах в Управление пенсионной кассы отмечалось:

По вопросу о том, какие предметы преподавал бывший учитель Кириллов в открытом им «частном» учебном заведении III разряда за время с 10 апреля 1879 года по 12-ое июня 1880 года можно лишь сказать (за давностью лет невозможно навести вполне точные данные), что данный тип учебных заведений не допускает каких либо особых уклонений в стороны, а так как Кириллов сам содержал частное училище и сам в нем занимался, то отсюда явствует, что он вел общеобразовательные предметы и в первую очередь – русский язык, арифметику, Закон Божий, как основные предметы частных учебных заведений III разряда и в настоящее даже время¹¹.

По-видимому, в содержании частной школы П.О. Кириллов не особенно преуспел, поэтому стал искать место службы с гарантированным государственным жалованием. Не исключено, что в этом ему пригодились родственные кубанские связи супруги Евдокии Севастьяновны. «Предложением Директора народных училищ Кубанской области 19-го июля 1880 г.» П.О. Кириллов был назначен учителем Новоминского станичного одноклассного училища с 1 августа 1880 г.¹² В Циркуляре по управлению Кавказским учебным округом сообщалось, что «в июне месяце закрылось в

⁸ Послужной список П.О. Кириллова // Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 470. Оп. 2. Д. 3769. Л. 5.

⁹ Послужной список П.О. Кириллова // ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 3769. Л. 16.

¹⁰ Приказы Попечителя Кавказского учебного округа // Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом (далее – ЦУКУО). Тифлис: Типография канцелярии наместника Его Императорского Величества на Кавказе, 1879. № 3. С. 123.

¹¹ Послужной список П. О. Кириллова // ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 3769. Л. 2 об.

¹² Там же. Л. 7 об.

городе Тифлисе частное начальное училище 3 разряда, содержимое Петром Кирилловым по случаю выезда содержателя из Тифлиса»¹³.

Новоминская станица Ейского уезда Кубанской области располагалась по обе стороны степной речки Албаши в 143 верстах от Екатеринодара и в 75 верстах от Ейска. Училище, в котором трудился Петр Осипович, было основано в 1865 г. В очерке о станице Новоминской учитель рассказывал о школе следующим образом:

Школа помещается в общественном здании, построенном по нормальному плану на 60 учащихся, с квартирой (в две комнаты, с кухней и кладовой) для учителя. Училищное здание обошлось обществу более 1 тыс. рублей. Ежегодно ассигнуемая сумма на училище простирается до 700 руб. (400 руб. – учителю, 100 руб. – законоучителю, 130 руб. – на библиотеку, письменные пособия и принадлежности, а остальная неопределенная сумма на ремонт). Кроме жалованья и общественной квартиры учитель получает от общества прислугу, отопление и освещение натурой¹⁴.

Оказавшись в кубанской станице, П.О. Кириллов с головой ушел в школьные дела. Он учил детей, хлопотал как заведующий о школьных нуждах перед станичным правлением и инспектором училищного округа, внимательно наблюдал за непривычной для него жизнью станичников. Давая характеристику учителю в августе 1888 г., инспектор народных училищ 1-го района Кубанской области отмечал, что в течение 8 лет Петр Осипович относился

к исполнению учительских обязанностей усердно, вел дело преподавания удовлетворительно и за все время службы в Кубанской области он, Кириллов ни в чем предосудительном замечен не был¹⁵.

По волнующим его вопросам школьного образования П.О. Кириллов начал писать заметки в местную газету «Кубанские областные ведомости». Уже в начале 1881 г. он включился в дискуссию о недостатках современной начальной школы, развернутую станичными учителями на страницах этого издания¹⁶.

¹³ Приказы Попечителя Кавказского учебного округа // ЦУКУО. 1880. № 7. С. 320.

¹⁴ Кириллов П. Новоминская станица. (Статистическое описание) // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета / под редакцией Е.Д. Фелицына. Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления и Л. Нитче, 1883. Т. 1. С. 624–625.

¹⁵ Послужной список П.О. Кириллова // ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 3769. Л. 10.

¹⁶ Кириллов П., учитель. Школьные недуги // Кубанские областные ведомости. 1881. № 1 (1 января). С. 3.

Свои размышления о нелегкой и часто неблагодарной работе народного учителя П.О. Кириллов изложил в статье «Несколько слов о народном образовании в Кубанской области». Перспективы автор видел не только в силе слова убеждения и педагогическом мастерстве учителя, но и в установлении взаимопонимания с народом¹⁷.

В другой корреспонденции из ст. Новоминской П.О. Кириллов рассказал о несправедливости, допущенной местными казаками по отношению к подполковнику М.А. Рутковскому, который постоянно оказывал поддержку станичному училищу¹⁸.

Наблюдая за бытом станичников, П.О. Кириллов умел увидеть за обыденным житейскую драму, горечь утрат. Описывая в одной из корреспонденций проводы казаков на службу, он отошел от традиции парадно-пафосного освещения этого ритуала, сделав акцент на обременительности этой повинности для казачьих семей, лишаящихся единственного кормильца порой на долгий срок¹⁹.

Публикации П.О. Кириллова, по-видимому, весьма заинтересовали редактора неофициальной части «Кубанских областных ведомостей» Е.Д. Фелицына. Будучи одновременно секретарем созданного в 1879 г. Кубанского статистического комитета, Е.Д. Фелицын пытался наладить на местах сеть корреспондентов, которые не только помогали бы в сборе статистического материала²⁰, но и сами составляли комплексные описания населенных пунктов.

С 1882 г. П.О. Кириллов стал действительным членом Кубанского статистического комитета²¹. Его работа отныне приобрела целенаправленный характер, вписанный в рамки деятельности научных учреждений Кубанской области. Прежде всего Петр Осипович сосредоточился на изучении станицы Новоминской, в которой жил и учительствовал. Он имел возможность ежедневно наблюдать жизнь казаков и иногородних, беседовать с родителями и родственниками учеников, привлекать школьников к сбору интересовавших его сведений.

¹⁷ Кирилов П., учитель. Несколько слов о народном образовании // Кубанские областные ведомости. 1881. № 43 (31 октября). С. 3.

¹⁸ Кирилов П., учитель. Из станицы Новоминской // Кубанские областные ведомости. 1881. № 27 (11 июля). С. 1.

¹⁹ Кирилов П., учитель. Проводы казаков на службу в Закавказье // Кубанские областные ведомости. 1881. № 34. (29 августа). С. 3.

²⁰ Ратушняк Т.В. Развитие краеведения на Кубани (конец XVIII – первая треть XX в.). С. 36.

²¹ Ратушняк Т.В. Развитие краеведения на Кубани (конец XVIII – первая треть XX в.). С. 204.

В 1883 г. под редакцией Е.Д. Фелицына в Екатеринодаре вышел в свет первый том «Кубанского сборника». Среди первых авторов этого уникального издания был и П.О. Кириллов, подготовивший к публикации статью «Новоминская станица: Статистическое описание», которая была им завершена еще 12 сентября 1882 г. Очерк начинался с характеристики населения. П.О. Кириллов установил, что ст. Новоминская была основана в 1821 г., но

прежде, чем она возникла на теперешнем месте, здесь уже были заведены хутора жителями старых станиц – Канеловской, Староминской и Старощербиновской. Эти-то жители вместе с прибывшими из Полтавской и Черниговской губернии переселенцами и составили первоначальное население вновь возникшей станицы²².

Автор представил сведения по численному, сословному и возрастному составу жителей станицы, проанализировав метрические книги, указал число рождений за последние пять лет, показатели брачности, смертности и естественного прироста населения, дал характеристику конфессиональной ситуации в Новоминской²³.

Привел П.О. Кириллов и сведения о грамотности населения, представил данные о размерах земельных наделов, дал характеристику условиям местности, почвам и климату. Значительная часть работы посвящена описанию хозяйства и традиционных занятий жителей станицы Новоминской. Автор раскрыл особенности скотоводства, способы землепользования, сенокосов и хлебопашества, а также уделил внимание развитию пчеловодства, ремесел, торговли, описал повинности, состояние общественных запасов и капиталов.

В указанной статье П.О. Кириллов нарисовал крайне нелюбимую картину общественной жизни станицы, где отметил

отсутствие солидарности между членами общества в понимании общественных и личных интересов, в постоянных тяжбах за воровство, самоуправство и разные обиды, не только между чужими, но и между родственниками, родными братьями, отцами и детьми... Редкая родственная фамилия ведет сообща хозяйство и хлебопашество; в большинстве же женатые сыновья отделяются от родителей и ведут отдельно хозяйство. Заметна также распущенность нравов. Все дела общественные обсуждаются в кабаке, где часто, под влиянием возбуждающей влаги, необыкновенный крик кончается свалкой. Летом каждый казак со всем своим имуществом переселяется в свой «кош»

²² Кириллов П. Новоминская станица. (Статистическое описание). С. 618–619.

²³ Кириллов П. Новоминская станица. (Статистическое описание). С. 624.

(зимовник), или хутор, и оттуда приезжает только на воскресенье, но кто-нибудь при этом остается сторожить дом; иначе сосед, пользуясь оплошностью соседа, что-нибудь стянет у него²⁴.

Представляется, что П.О. Кириллов, человек в Новоминской новый, либерально-демократических убеждений, в своем разоблачительном порыве несколько сгустил краски. Даже редактор первого тома «Кубанского сборника» Е.Д. Фелицын вынужден был поместить под этими оценками Кириллова специальное примечание:

Редакция позволяет себе сопоставить этот категоричный отзыв об отсутствии солидарности между членами общества с приведенным выше в описании фактом относительно привлечения к суду станичным обществом 37 богачей за нарушение приговора о сенокошении. Там, где возможны подобного рода факты, об отсутствии общественной солидарности можно говорить только условно; условное же освещение дела требует строгой фактичности и примеров, без чего оно теряет силу своей доказательности²⁵.

По поводу описанных П.О. Кирилловым семейных дразг Е.Д. Фелицын отметил:

Нам кажется, что как здесь, так и ниже автор кладет слишком яркий колер на действительность. Так, по станичным судебным книгам оказывается, что в 1876 г. разбиралось всего 280 дел, в 1877 г. – 82 дела, в 1878 г. – 220 дел, в 1879 г. – 157 дел, в 1880 г. – 232 дела и в 1881 г. в течение 6 месяцев – 56 дел, именно: в январе – 8 дел, в феврале – 19, в марте – 5, в апреле – 1, в мае – 19, в июне – 4. Если принять во внимание то обстоятельство, что значительная доля тяжб возникает из-за потрав, мелких имущественных претензий, мелочных личных обид и др. заурядных, обыденных мотивов, то нравственность населения ст. Новоминской окажется далеко не такою мрачною, какою она может показаться на основании общей характеристики автора²⁶.

Современные полевые исследования показывают важное для кубанских станиц значение коллективистских ценностей, которые поддерживались на самых разных уровнях, с помощью разнообразных способов и форм²⁷. Это же

²⁴ Кириллов П. Новоминская станица. (Статистическое описание). С. 641–642.

²⁵ Кириллов П. Новоминская станица. (Статистическое описание). С. 641.

²⁶ Кириллов П. Новоминская станица. (Статистическое описание). С. 641.

²⁷ Бондарь Н.И. К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества (Часть первая. XIX – начало XX века) // Из культурного наследия славянского населения

относится и к нравственным ценностям: трудолюбию, честности, справедливости. Старожилы рассказывали, что до 1905 г. в станицах не знали, что такое воровство, как выглядит вор, оставляли двери дома незапертыми²⁸.

Несмотря на довольно субъективный подход к освещению материала, работа П.О. Кириллова была достаточно высоко оценена в обзоре первого тома «Кубанского сборника», помещенном в журнале «Киевская старина» в 1884 г.²⁹

Помимо статистических сведений П.О. Кириллова интересовали фольклорные и, прежде всего, песенные тексты. В 1883 г. он подготовил к изданию объемную рукопись песен, бытовавших в станице Новоминской, куда включил 113 записанных им текстов. По сложившейся тогда классификации собиратель разделил песенный фольклор ст. Новоминской на 4 части: исторические песни, чумацкие, военные, бытовые. Работа «Малороссийские песни в ст. Новоминской, Ейского уезда, Кубанской области» появилась в 4-м выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». В примечании собиратель отметил, что

считал бесполезным записывать варианты и таких поющих в станице песен, которые уже отчасти известны в печати по сборникам Драгоманова, Лысенко и др.³⁰

Сборник П.О. Кириллова, к сожалению, не нотирован, не паспортизирован – не указан ни один респондент, от которого были записаны тексты. Это снижает научное достоинство зафиксированных текстов, однако позволяет получить некоторое представление о репертуаре новоминчан того времени. Некоторые тексты («Как стояли возле бухты», «Круты горы и ущелья») явно не вписываются в определение «малороссийских», впрочем сам собиратель делал

Кубани / составитель Н.И. Бондарь. Краснодар: Издательство Краснодарского экспериментального центра развития образования, 1999. С. 9.

²⁸ Бондарь Н.И. К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества (Часть первая. XIX – начало XX века). С. 18.

²⁹ Кубанский сборник. Труды Кубанского Областного Статистического Комитета, издаваемые под редакцией Е.Д. Фелицына, действ. члена К.О.С. Ком. Т. I, с картой Кубанской области. Екатеринодар, 1883 г. // Киевская старина. Киев, 1884. Т. VIII. № 4 (апрель). С. 655.

³⁰ Кириллов П., учитель Новоминского Александровского училища. Малороссийские песни в ст. Новоминской, Ейского уезда, Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1884. Вып. 4. Отд. II. С. 77.

оговорку, что они приведены «как образцы более позднего казачьего линейного творчества»³¹.

Невысокий уровень сборника песен П.О. Кириллова отражает состояние фольклористики того времени в целом. Даже такой известный исследователь фольклора и древностей, как В.Ф. Миллер в рецензии на 4-й выпуск «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» отметил лишь сохранение в станице Новоминской малороссийской традиции³².

Впоследствии П.О. Кириллов посвятил станице Новоминской еще одну содержательную работу. В 1889 г. в 8-м выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» была опубликована его работа о традиционных занятиях и ремеслах в станице. Автор указал на то, что жители преимущественно занимаются хлебопашеством и скотоводством, отразил наличие в станице кузнечного, слесарного, портняжного, сапожного, кожевенного, скорняжного, шерстобитного, бондарного, тележного, столярного, плотницкого, ткацкого, пенькового, шерстяного производств, а также маслобоен³³. Интересно, что в качестве изготовителей шерстяной материи в работе краеведа фигурируют латыши, проживавшие на соседних хуторах. П.О. Кириллов не только сообщил об их опыте, но и рекомендовал казакам взять его на вооружение³⁴.

В 1887 г. по программе Е.Д. Фелицына П.О. Кириллов составил описание станицы Стародеревянковской, которое опубликовал на страницах «Кубанских областных ведомостей». Согласно программе, он дал характеристику природного ландшафта, почв и растительности окрестностей станицы. Несомненный интерес представляют топонимические сведения, приводимые в статье³⁵.

Описав климатические условия местности, автор очерка представил некоторые исторические сведения. В частности, он считал, что «год основания станицы Стародеревянковской следует считать 1794 г.», когда названия куреням «давались те же, какие были в упраздненной Запорожской Сечи»³⁶. В числе прочих на реке Челбасы был основан курень Деревянковский. «Станица

³¹ Кириллов П., учитель Новоминского Александровского училища. Малороссийские песни в ст. Новоминской, Ейского уезда, Кубанской области. С. 86.

³² Миллер В.С. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Издание управления Кавказского учебного округа. Выпуск IV. Тифлис, 1884 // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. № 5. С. 95.

³³ Кириллов П., учитель. Новоминская станица. С. 151.

³⁴ Кириллов П., учитель. Новоминская станица. С. 151.

³⁵ Кириллов П.О. Станица Стародеревянковская. Статистическое описание, составленное П.О. Кирилловым // Кубанские областные ведомости. 1887. № 6. С. 3.

³⁶ Кириллов П.О. Станица Стародеревянковская. Статистическое описание, составленное П.О. Кирилловым (Продолжение) // Кубанские областные ведомости. 1887. № 9. С. 3.

Стародеревянковская, в отличие от ст. Новодеревянковской, называется с 1820 г., т.е. с основания последней; до 1820 г. она именовалась Деревянковской», – отмечал Петр Осипович³⁷.

В действительности же, как показал историк-архивист В.И. Шкуро³⁸, история образования станицы была несколько сложнее, нежели это представлялось новоминскому учителю. Первое куренное поселение Деревянковское возникло не на р. Челбасы, а на р. Ее. Однако место, выбранное войсковым начальством, жителей не удовлетворило, поэтому в 1803 г. (а не в 1794 г.) селение перевели на р. Челбасы. Не в 1820-м, а 9 июня 1827 г. Нижнеалбашскому куренному селению решением Черноморской войсковой канцелярии было присвоено название Новодеревянковское, а Деревянковское стало называться Стародеревянковским³⁹.

Возникает вопрос и с преемственностью населения станицы с запорожцами, о которых пишет П.О. Кириллов, процитировав известную песню А. Головатого «Ой, годі нам журитися» (1792 г.). Сам автор приводит документ, обнаруженный им в бумагах станичного правления, – ведомость от 5 марта 1811 г. о составе населения куреня Деревянковского. Согласно этому документу, на 208 душ мужского и 167 душ женского пола старожильческого населения, прибывшего в ходе переселения черноморских казаков (среди которых бывшие запорожцы составляли лишь 30 %. – О. М.), приходилось 460 душ мужского и 462 душ женского пола, прибывших из Полтавской и Черниговской губерний. В 1821–1822 гг. из тех же губерний переселилось еще 205 семей⁴⁰. Учитывая, что в 1848 г. в станице осели еще 176 мужчин и 159 женщин из тех же мест⁴¹, представляется, что основу населения станицы составляли далеко не «бывшие запорожцы».

В очерке обстоятельно представлены демографические характеристики населения: статистика рождения, брачности и смертности. В этнографическом отношении некоторый интерес представляет раздел очерка «Привычки, наклонности и обычаи народа». Петр Осипович отмечал:

³⁷ Кириллов П.О. Станица Стародеревянковская. Статистическое описание, составленное П.О. Кирилловым (Продолжение). № 9. С. 3.

³⁸ Шкуро Владимир Ильич (1935–2020) – бывший главный специалист Государственного учреждения «Государственный архив Краснодарского края». Уроженец кубанской станицы Переяславской. Крупнейший историк-краевед Кубани, специалист в области казачьих родословных, военной истории Кубани и России и архивного дела.

³⁹ Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII в.: исторические документы / составители Н.В. Малеева и др. Краснодар: Диапазон-В, 2006. С. 420.

⁴⁰ Кириллов П.О. Станица Стародеревянковская. Статистическое описание, составленное П.О. Кирилловым (Продолжение). № 9. С. 3.

⁴¹ Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII в. С. 420.

В отношении содержания тела, помещения, одежды и пищи жители станицы, можно сказать, опрятны. Моются летом в реке и дома, но купанье в бане считают грехом. Поэтому русские над хохлом острят так: хохол моется в жизни два раза, раз – когда рождается, а другой – когда умирает⁴².

Учитывая, что почти в каждой бывшей черноморской станице имелась платная общественная баня⁴³, характеристика учителя восходит скорее к расхожему стереотипу.

Несколько предвзятыми выглядят и оценки П.О. Кириллова в отношении характера и менталитета стародеревянковцев:

Уважение к начальству у казаков только наружное, в душе же они его ненавидят. Пока казак состоит в службе, он при встрече с начальством поневоле отдает честь; но как только выходит в отставку, казак делается неузнаваем: не только не почтительным к старшим, но при случае дерзким, а при встрече никогда первым шапки не снимет. К духовенству они проявляют больше уважения, но не прочь иногда и над ним посмеяться или создать юмористическую песню, поговорку, пословицу. К лицам высшим себе подобострастия не замечается; к лицам, находящимся в зависимости у них относятся с пренебрежением и деспотически и не прочь при всяком случае кольнуть фразой: «вы на наших животах живете», хотя бы тот, к которому эти слова относятся, был самый честный работник. Ни любознательности, ни изобретательности в жителях станицы не замечается, но зато скрытность, желание унижить другого, отсутствие привязанности, дружбы, злопамятность и мстительность поразительны. К спорам, часто пустым, и драке проявляется большая склонность. Драки чаще всего бывают при разного рода попойках или же при столкновении интересов материальных (при покосах, распашке земли, – там, где еще пользование юртом общинное). Были примеры, что при ссорах прибегали к оружию и происходили смертоубийства. Дух прежнего казачества, удалства проявляется чаще всего у пьяных, когда бывает зуд в руках и желание кого-нибудь «оттузить». Настойчивости и постоянства при выполнении раз обдуманного намерения не замечается. Упорство, нежелание видеть ни в чем хорошего, кроме как в своих застывших понятиях и убеждениях, – возмутительны⁴⁴.

⁴² Кириллов П.О. Станица Стародеревянковская. Статистическое описание, составленное П.О. Кирилловым (Продолжение) // Кубанские областные ведомости. 1887. № 12. С. 3.

⁴³ Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / под редакцией К.В. Чистова. Москва: Наука, 1967. С. 121.

⁴⁴ Кириллов П.О. Станица Стародеревянковская. Статистическое описание, составленное П.О. Кирилловым (Продолжение). № 12. С. 3.

По всей видимости и здесь П.О. Кириллов не усвоил урок Е.Д. Фелицына о «колере действительности», обобщив единичные случаи, возможно, личные предубеждения в примитивно упрощенном портрете жителей целой станицы. Отношение к «начальству» у казаков складывалось исторически и было связано с ростом дистанции между основной массой казачества и властями, разрастанием прослойки чиновников, неподконтрольной станичной общине, урезанием прав на землю, самоуправление и др.⁴⁵ По-видимому, форменный мундир со стоячим воротником, обшлагами, позолоченными пуговицами и фуражка с кокардой, которые носили учителя и чиновники Министерства народного просвещения, мало располагали к откровенности. По крайней мере, в случае с П.О. Кирилловым, которому стародеревянковцы не спешили открывать душу, демонстрируя «застывшие понятия и убеждения», «возмутительные», с точки зрения учителя, «скрытность», «злопамятность» и нежелание дружить. «Пренебрежение», грубость, «деспотизм», конфликтность явно имели ситуативный характер и объяснялись отчасти максимализмом в требованиях, которые предъявляли станичники не только к окружающим, но и к себе⁴⁶. Постичь традиционную картину мира либеральный учитель с прогрессивными устремлениями, хотя и живущий в сельской глубинке уже 7 лет, по-видимому, был еще не готов. Но все же, будучи человеком умным и наблюдательным, в глубине души П.О. Кириллов осознавал ограниченность своих подходов к народной культуре, поэтому справедливо отметил:

При всей кажущейся неприглядности в этом народе много таких симпатичных сторон внутренней, сердечной жизни, которых в цивилизованном современном человеке редко найдете⁴⁷.

Народные верования представлены в работе фрагментарно:

Истребление саранчи, по понятиям жителей, грех: «это, говорят, сопротивление воле Божьей». Воровство пчел считается самым большим грехом. Жители верят в разные заклинания, заговоры, шептания, колдовства и т.п. Если на какой-либо ниве хлеб на одном или в нескольких местах покручен («закрутки»), то это все приписывается ведьме, и такая нива будет не скошена, если не найдут человека, знающего заговор против «закруток». По мнению жителей, если скосить такую ниву, то в семье кто-

⁴⁵ Бондарь Н.И. К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества. С. 11.

⁴⁶ Бондарь Н.И. К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества. С. 19.

⁴⁷ Кириллов П.О. Станица Стародеревянковская. Статистическое описание, составленное П.О. Кирилловым (Продолжение) // Кубанские областные ведомости. 1887. № 12. С. 3.

нибудь умрет. <...> Если гром грянет на сухое дерево (когда оно еще без листьев), то будет неурожай. Когда весной увидишь первый раз желтую бабочку, то будешь болен, а если белую – будешь здоров. Кто дает деньги на проценты – того заживо съедят черви⁴⁸.

Некоторые данные по рациональным и иррациональным аспектам народной медицины стародеревянковцев также нашли отражение в очерке об этой станице.

Очень фрагментарно представлена в этой работе П.О. Кириллова молодежная субкультура. Учитель сообщал, что

пока нет еще полевых работ, молодые парни («паробки») и «дивчата» сходятся в некоторых домах на «вечерники» и «досвитки», где проводят время в шутках, часто непристойных. Сюда же каждый может принести немного денег или что-то съестное (колбасы, сала, яиц, хлеба). При хорошей погоде, далеко за полночь ходят по улицам по несколько десятков молодых людей вместе и поют песни⁴⁹.

Специальные разделы П.О. Кириллов посвятил уровню грамотности в станице, а также традиционным занятиям: скотоводству, хлебопашеству, огородничеству, рыболовству и пчеловодству⁵⁰. Подробно описаны воинская повинность казаков, внутренние натуральные повинности, состояние продовольственного запаса, общественных капиталов и дел в станичном суде⁵¹. В целом очерк П.О. Кириллова о станице Стародеревянковской выполнен в духе типичных для того времени представлений о народном быте и отличается бессистемной описательностью без попытки раскрыть мировоззренческую основу народной культуры и взаимосвязь всех ее аспектов.

Обретя некоторый опыт сотрудничества с периодическими изданиями, Петр Осипович, по-видимому, стал тяготиться нелегким учительским трудом и решил целиком посвятить себя журналистской и краеведческой деятельности.

⁴⁸ Кириллов П.О. Станица Стародеревянковская. Статистическое описание, составленное П.О. Кирилловым (Продолжение). № 12. С. 3.

⁴⁹ Кириллов П.О. Станица Стародеревянковская. Статистическое описание, составленное П.О. Кирилловым (Продолжение). № 12. С. 3.

⁵⁰ Кириллов П.О. Станица Стародеревянковская. Статистическое описание, составленное П.О. Кирилловым (Продолжение) // Кубанские областные ведомости. 1887. № 13. С. 3; № 14. С. 3–4; № 15. С. 3.

⁵¹ Кириллов П.О. Станица Стародеревянковская. Статистическое описание, составленное П.О. Кирилловым (Окончание) // Кубанские областные ведомости. 1887. № 16. С. 2.

15 августа 1888 г. он был уволен от должности учителя Новоминского станичного училища «согласно просьбы»⁵².

В 1891 г. во втором томе «Кубанского сборника» был напечатан этнографический очерк П.О. Кирилова «Черноморская свадьба». Под Черноморией краевед понимал

весь северо-западный район станиц Кубанского казачьего войска, населенных казаками бывшего Черноморского казачьего войска, которое образовалось из остатков Запорожского войска⁵³.

Такое определение бывшей Черномории уже в конце XIX в. не соответствовало уровню научных представлений. Во-первых, сложный этносоциальный состав населения бывших черноморских станиц, как мы видели в случае со станицей Стародеревянковской, уже явно не укладывался в понятие «остатков Запорожского войска». Во-вторых, важнейшими признаками традиционной культуры выступают стереотипность/вариативность, типичное/нетипичное⁵⁴, а в работе П.О. Кирилова нигде нет даже намека на привязку к каким-то населенным пунктам, и трудно сказать, какие источники послужили автору для создания очерка о свадьбе. Скорее всего, это были материалы, собранные им в станицах Новоминской и Стародеревянковской во время его учительства. Кроме того, краевед, по-видимому, использовал работу П.П. Короленко «Черноморские свадьбы» (1865 г.) и статистические описания ряда кубанских станиц. В обзоре исторического журнала «Киевская старина» отмечалось:

Этнографический очерк Кирилова «Черноморская свадьба», в котором последовательно приведены все песни этого грандиозного малорусского обряда, может служить лучшим материалом для уяснения этнических особенностей черноморцев. Обрядовые песни черноморской свадьбы то совпадают слово в слово с черниговскими и полтавскими, или с херсонскими и харьковскими, то представляют разные вариации напечатанного уже до сих пор материала⁵⁵.

⁵² Послужной список П.О. Кирилова // ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 3769. Л. 7 об.

⁵³ Кириллов П.О. Черноморская свадьба. Этнографический очерк // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета / под редакцией Е.Д. Фелицына. Екатеринодар: Типография А.П. Сташевского и тип. Л. Натче, 1891. Т. II. С. 3.

⁵⁴ Бондарь Н.И. Традиционная духовная культура кубанского казачества (конец XIX – первая половина XX вв.) // Традиционная культура и дети. Вып. 1: сборник научных трудов / под редакцией Н.И. Бондаря. Краснодар: Издательство Краснодарского экспериментального центра развития образования, 1994. С. 8–9.

⁵⁵ Р. Издания Статистических Комитетов Южной России в 1891 году: киевского, волынского, черниговского, полтавского воронежского, кубанского «Кубанский Сборник» и

Однако отсутствие географических привязок, игнорирование П.О. Кирилловым таких особенностей традиционной культуры, как вариативность и локальность, снижают достоинства его очерка.

Кирилловым описан свадебный ритуал, характерный для бывших черноморских станиц, приведены его основные этапы и песенные тексты. Автор выделил сватанье, зарученье («рушныкы»), приготовление к свадьбе, первый и второй дни свадьбы⁵⁶. Несмотря на то, что последовательность и характер действия, отмеченные П.О. Кирилловым, типичны для всей территории бывшей Черномории, вариативными особенностями подачи материала являются терминология и сроки проведения обрядов в их соотношении друг с другом⁵⁷, которые у автора разнятся с традиционными.

В описании первого дня черноморской свадьбы обращает на себя внимание ритуал «красить поезд»⁵⁸. Рассказал П.О. Кириллов и о процедуре встречи поезда и выкупа невесты, обрядах и текстах, связанных с территориальным перемещением основных свадебных персонажей из дома невесты в дом жениха, одаривание. Описывая второй день свадьбы, автор отмечал:

Как только молодой выстрелит из пистолета, по этому сигналу к ним входит старший дружок и старшая свашка; осмотрев, что следует, призывает свашек и родственников новобрачной. Если молодая оказалась «нечестной», то ее ставят у печи и надевают на голову чепчик, и если она сбрасывает его, то ей вновь надевают чепец на голову. На родных молодой для позора надевают соломенные хомуты; те также сопротивляются, и нередко такие оскорбления чести кончаются всеобщей свалкой. Если же молодая оказалась «честной», то освидетельствованную сорочку кладут ей на голову, а она поет:

«Ой, нэ бийся, матынько, нэ бийся!
У червонии чобиточки обуйся,
Топчи ворогив пид пяты,
Нэхай воны пэрэстануть брэхаты...»⁵⁹

«Календарь Черниговской губернии» // Киевская старина. 1891. Т. XXXV. № 11 (ноябрь). С. 322.

⁵⁶ Кириллов П.О. Черноморская свадьба. Этнографический очерк. С. 4–5.

⁵⁷ Жиганова С.А. Кубанская свадьба как музыкально-этнографическая традиция позднего формирования: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Российская академия музыки им. Гнесиных, 2008. С. 11.

⁵⁸ Кириллов П.О. Черноморская свадьба. Этнографический очерк. С. 10–11.

⁵⁹ Кириллов П.О. Черноморская свадьба. Этнографический очерк. С. 23–24.

В целом очерк П.О. Кириллова давал некоторое представление о ходе черноморского варианта кубанской свадьбы, однако научное значение его невелико даже для уровня развития русской этнографии конца XIX в.

Служба в Кубанском областном правлении⁶⁰ позволяла, по-видимому, пользоваться материалами войскового архива, а потому Петр Осипович делал выписки из документов, связанных с историей освоения казаками Закубанья. В 1903 г. в девятом томе «Кубанского сборника» вышли две его работы, посвященные этой теме. Первая представляла собой публикацию редких документов по истории колонизации Закубанского края, в частности, приказов, связанных с периодом командования 26-м полком Кубанского казачьего войска подполковником А.В. Пистолькорсом, незаурядным офицером и администратором. В этих документах содержатся интересные сведения об этническом и социальном составе станиц полка, их благоустройстве и повседневном быте⁶¹. Другие приказы дают представление о самоуправлении, общественных работах, санитарном состоянии, жилищах, церковной жизни, организации системы снабжения и питания⁶². Эти и подобные документы предоставляют возможность для изучения материальной повседневности казачьего населения Закубанья.

Другая работа П.О. Кириллова была посвящена станице Рязанской. По-видимому, автор очерка лично побывал в станице. Об этом свидетельствуют примечания, позволяющие судить о круге использованных им источников: «Сведения эти и дальнейшие нами извлечены из архива ст. Рязанской»⁶³; «Заговоры эти нами записаны со слов бывшего атамана ст. Рязанской урядника Г.И. Черепова»⁶⁴.

Значительное место в статье занимает история станицы, чье появление было связано с завершающим этапом Кавказской войны. Краевед отмечал:

⁶⁰ К сожалению, выявленные на сегодняшний день источники не позволяют рассмотреть подробности и обстоятельства службы П.О. Кириллова в Кубанском областном правлении.

⁶¹ Кириллов П. К истории колонизации Закубанского края // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета / под редакцией С.В. Руденко. Екатеринодар: Типография И.Ф. Бойко, 1902. Т. IX. С. 79–80.

⁶² Кириллов П. К истории колонизации Закубанского края // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета / под редакцией И.З. Садило. Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1908. Т. XIII. С. 98.

⁶³ Кириллов П.О. Станица Рязанская (бывшая Габукаевская). Историко-статистическое описание // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета / под редакцией С.В. Руденко. Екатеринодар: Типография И.Ф. Бойко, 1902. Т. IX. С. 117.

⁶⁴ Кириллов П.О. Станица Рязанская (бывшая Габукаевская). Историко-статистическое описание. С. 123.

Станица Рязанская, Екатеринодарского отдела, Урупского полкового округа, расположена на правом возвышенном берегу р. Курго. Основана она в числе других станиц, по Пшишской кордонной линии в 1863 году, по правую сторону р. Пшиша, на месте бывшего редута и поста Габукаевского, названная по аулу Габукаевскому, находящемуся в 3-х верстах от станицы, по левую сторону р. Пшиша. Станица Габукаевская, в 1863 г. входила в состав 26-го полка, в числе 10 станиц, расположенных между р.р. Белой, Пшехой и Пшишем»⁶⁵.

Далее автор сообщал, что в 1868 г.

станция Габукаевская, в отличие от аула Габукаевского, переименована в станицу Рязанскую, названную в честь Рязанского полка, одержавшего первым победу над горцами⁶⁶.

П.О. Кириллов следующим образом характеризовал состав первопоселенцев:

В станице Габукаевской предположено было поселить 175 семейств, из коих 118 семейств из Черноморских станиц, 7 семейств государственных крестьян и 49 семейств 1-го Сунженского полка. <...> в ведомости казакам, способным носить оружие, к 15 мая (1863 г. – О. М.) значилось 256 душ (в том числе 17 урядников), поселенных из станиц: Пашковской – 80 душ, Медведовской – 48, Роговской – 7, Новоджерелиевской – 7, Сергиевской – 12, Дядьковской – 9, Тимошевской – 2, Старокорсунской – 5 душ, из государственных крестьян Воронежской губернии – 11 душ, и Терского казачьего войска – 52⁶⁷.

По вероисповеданию и этническому составу население станицы к началу XX в. распределялось следующим образом:

Кроме 50 душ м.п. и 35 душ ж.п. армяно-григорианского, все остальное население станицы состоит из православных. По национальности, за исключением 85 душ армян, все остальное население русское, которое состоит из малороссов и великороссов. При поселении в ст. Рязанской малороссы относились враждебно к «москалям»-великороссам и в брак с

⁶⁵ Кириллов П.О. Станица Рязанская (бывшая Габукаевская). Историко-статистическое описание. С. 115.

⁶⁶ Кириллов П.О. Станица Рязанская (бывшая Габукаевская). Историко-статистическое описание. С. 127.

⁶⁷ Кириллов П.О. Станица Рязанская (бывшая Габукаевская). Историко-статистическое описание. С. 118.

последними считалось вступать предосудительным. Теперь этой враждебности малороссов к великороссам в станице не замечается⁶⁸.

Согласно требованиям статистического описания, П.О. Кириллов приводит демографические характеристики населения (число рождений, смертность, естественный прирост, браки, грамотность), описывает состояние почв, климата, традиционные занятия (скотоводство, хлебопашество, табаководство, садоводство и огородничество, пчеловодство, ремесла, торговля), рассказывает о повинностях станичников.

Собственно фольклорно-этнографические материалы в этой работе представлены в меньшей степени, нежели, например, в описании станицы Стародеревянской. В связи с адаптацией переселенцев к местным природно-хозяйственным условиям автор дает некоторые сведения о народной медицине⁶⁹. Кроме того, в приложении к очерку Кириллов поместил 13 песенных текстов, записанных им в станице Рязанской. Тексты разделены на две группы: «малороссийские» и «линейские». «Малороссийские» включают 4 текста: лирические («Як у саду, так и в лиси», «В мене батенько свит») и шуточные («А вчора була суботанька», «На городи будяк») песни. «Линейские» песни включают провожальную («Прощай, страна моя родная!»), военно-бытовую («Что ты, сунженец, не весел»), историческую о генерале Н.П. Слепцове («Пыль клубится по дороге»), свадебные («О, заюшка, заюшка», «Ой, березничек листоватый»), любовные («Поехал казак на чужбину далеко», «Ой, во поле травушка горела», «Что-то в лесе затихло», «Сад мой, сад зеленый») песни. К сожалению, тексты песен никак не атрибутированы.

27 января 1902 г. П.О. Кириллов приказом по Кубанскому областному правлению был «согласно прошению, перечислен на должность бухгалтера Екатеринодарской войсковой больницы»⁷⁰. Ему идут чины: 15 сентября 1902 г. он произведен «за выслугу лет» в коллежские секретари, а 29 февраля 1904 г. – в титулярные советники⁷¹. Однако творческая натура П.О. Кириллова, по видимому, плохо уживалась с ежедневной рутинной службой мелкого чиновника. 6 сентября 1906 г. Петр Осипович был «ввиду обнаруженных комиссией при внезапной ревизии канцелярии больницы неправильного и небрежного ведения книг и вообще делопроизводства канцелярии, отчислен от должности»⁷².

⁶⁸ Кириллов П.О. Станица Рязанская (бывшая Габукаевская). Историко-статистическое описание. С. 132.

⁶⁹ Кириллов П.О. Станица Рязанская (бывшая Габукаевская). Историко-статистическое описание. С. 123–124.

⁷⁰ Послужной список П.О. Кириллова // ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 3769. Л. 19 об.

⁷¹ Там же. Л. 20 об.

⁷² Там же.

Чтобы содержать семью, П.О. Кириллов решил вернуться к нелегкому педагогическому труду. 22 сентября 1907 г. он был принят на должность 2-го учителя 4-го Екатеринодарского одноклассного училища. Время от времени он продолжал выступать в печати, активно участвовал в общественной жизни, состоя «членом правления Общества учителей и Общества приказчиков»⁷³, а в годы Первой русской революции даже пытался редактировать газету кадетского толка «Свобода»⁷⁴.

23 сентября 1915 г. П.О. Кириллов был уволен «от должности и совсем от службы по прошению в связи с расстроенным здоровьем»⁷⁵. Диагностируя у учителя прогрессирующий паралич, доктор писал в акте медицинского освидетельствования 13 декабря 1915 г., что болезнь связана «с усиленным профессиональным трудом, требующим особой затраты нервной энергии»⁷⁶. Земной путь П.О. Кириллова завершился 22 февраля 1917 г. Газета «Кубанские ведомости», с которой краеведа-журналиста связывали годы сотрудничества, поместила краткий некролог:

На днях скончался в психиатрическом отделении войсковой больницы народный учитель П.О. Кириллов. Покойный на ниве народного образования проработал более 20 лет, будучи не чужд в то же время и общественной деятельности. <...> Умер П.О. на 70 году⁷⁷.

Заключение

В региональной истории и культуре П.О. Кириллов занимает важное место как один из самых ярких корреспондентов Е.Д. Фелицына из учительской среды, претворивший в жизнь программу статистико-этнографического описания населенных пунктов Кубани. Работы краеведа о населении станиц Новоминской, Стародеревянковской и Рязанской, очерк о черноморской свадьбе, опубликованные фольклорные материалы и архивные документы представляли собой по сути дела начальный этап кубанской этнографии, связанный с накоплением фактического материала и отражавший подходы к народной культуре середины и второй половины XIX в. Научное значение этих сочинений невелико, но они будили интерес к живой старине, к духовному наследию народа, закладывали определенную базу и формировали преемственность в изучении историко-культурного наследия Кубани.

⁷³ П.О. Кириллов // Кубанские ведомости. 1917. № 46 (28 февраля). С. 2.

⁷⁴ П.О. Кириллов // Кубанские ведомости. 1917. № 46 (28 февраля). С. 2.

⁷⁵ Послужной список П.О. Кириллова // ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 3769. Л. 23.

⁷⁶ Там же. Л. 11 об.

⁷⁷ П.О. Кириллов // Кубанские ведомости. 1917. № 46 (28 февраля). С. 2.

Петр Осипович Кириллов был человеком своей эпохи, активным представителем общественности, которая осмысляла народную культуру через односторонне усвоенные представления о прогрессе и цивилизации. Это сказалось на качестве его трудов, найдя отражение в неглубоком погружении в смыслы и мировоззренческую основу традиционного наследия кубанцев, в описательности, игнорировании методологического инструментария, имевшегося к тому времени в распоряжении русской фольклористики, социологии, лингвистике. Петру Осиповичу явно не хватало широты мышления и системного подхода Е.Д. Фелицына, однако не будем забывать, что и возможности станичного педагога, а затем мелкого чиновника Кубанского областного правления были более чем скромны. Поэтому отдадим должное подвижнику, находившему среди нелегких учительских и служебных будней время для работы на поприще изучения народной культуры, закладывавшему вместе с другими краеведами-энтузиастами первые кирпичики в многоэтажное здание кубановедения.

Introduction

The period between the second half of the 19th and early 20th century plays a special role in the study of the regional historical and cultural heritage of the Kuban region. Special programs of the Caucasus Educational District, the Caucasus Department of the Imperial Russian Geographical Society, and the Kuban Regional Statistical Committee involved a wide network of correspondents who compiled descriptions of the “local territories and tribes” as part of the work devoted to local history. This work was in many respects connected to the activity of the outstanding organizer of scientific surveys in the region, a military starshina of the Kuban Cossack Army Evgenii D. Felitsyn. Descriptions of Kuban stanitsas made by local historians and published in the *Collection of Materials for the Description of Territories and Tribes of the Caucasus* and in the *Kuban Collection* saw the light thanks to his initiative and systematic approach to the issues of regional history and ethnography. On the basis of the standard statistical and economic program of the Caucasus Department of the Imperial Russian Geographical Society, E. Felitsyn created an additional version of the program. As a result, it acquired a complex statistical and ethnographic character. The program was accompanied by a short essay on the methodology of collecting material on site and explained the importance of such field work.¹ Local teachers, stanitsa atamans, and priests involved in the collection of statistical material were passionate towards their native history, diligent, and selfless. Elements of theoretical understanding and a special author’s position were typical of their scientific works. Local historians began to apply a systematic search of archival materials, used the diversity of the source base, and tried to evaluate the scientific historical literature. In his article, N. Bondar’ addressed the history of pre-revolutionary folklore and ethnographic research in the Kuban region.² S. Boichuk studied E. Felitsyn’s heritage.³ T. Ratushnyak retraced the main stages in the development of Kuban local history in her monograph.⁴ However, ordinary local historians of Kuban stanitsas who worked under the Felitsyn’s program still remain out of the researchers’ attention. This article attempts to analyse the scientific and public activities of P.O. Kirillov, one of these local historians of the Kuban region.

¹ N.I. Bondar’, “More on the History of Folklore and Ethnographic Studies in Kuban (Pre-Revolutionary Period) [in Russian], in *Problems of Historiography and Cultural Heritage of the Kuban Peoples of the Pre-Revolutionary Period: Collected Scientific Papers*, ed. S.S. Mints et al. (Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 1991), 116.

² Bondar’, “More on the History of Folklore,” 114–24.

³ S.G. Boichuk, *Evgenii Dmitrievich Felitsyn: Public Educational and Scientific Activities of E.D. Felitsyn (1848–1903)* [in Russian] (Krasnodar: Traditsiya, 2010).

⁴ T.V. Ratushnyak, *Development of Local History in the Kuban Region (Late 18th – First Third of the 20th Century)* [in Russian] (Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2013).

Main body

Pyotr Osipovich (Iosifovich) Kirillov (Kirilov) was born on January 18, 1853, in Tiflis into a petty bourgeois family.⁵ He was educated at the Tiflis real gymnasium. Real gymnasiums were established by the Statute of 1864 along with classical ones. They offered incomplete secondary education and the main emphasis in the curriculum was on natural sciences. Instead of classical languages (i.e. Latin and Greek), foreign languages currently in use were studied by gymnasium students. In Tiflis, the real gymnasium was opened in 1865 and was located in two buildings: in Nemetskaya Street and on the corner of Mikhailovskii Prospect and Reutovskaya Street. The curriculum of the real gymnasium was intended for seven years. However, on February 7, 1873, Pyotr Kirillov “left the sixth class.” Apparently, he needed to earn his living. The young man began to give private lessons and prepare for the examination to become a public teacher. On November 7, 1874, Pyotr Kirillov,

following a special examination in the Probation Committee of the Caucasus Educational District, was subjected to a shortened test and after passing it obtained the position of teacher in the city parochial and elementary school.⁶

However, he could not find a place of service immediately. Only three years he managed to find a job as a teacher at the Tiflis Petropavlovsk German Parochial 2nd School. Here, Pyotr Osipovich served until July 1, 1879.⁷ At the same time, P. Kirillov married Evdokiya S. Batog. She was born on August 4, 1855, and was a native of the village of Batalpashinskaya and a daughter of a titular councillor. On February 5, 1878, Kirillov was married in the St Peter and Paul Church in Tiflis. His daughter Anastasiya was born on April 17, 1879;⁸ his son Pyotr, on June 16, 1881;⁹ and his daughter Mariya, on November 17, 1883.

In April 1879, the Rules for Private Educational Institutions in the Caucasus Military District were published. The rules provided for education at the expense of students at the schools of 3 categories. Pyotr Kirillov decided to try his hand in this new area of work and began to take steps to open his own private school. The trustee of the Caucasus Educational District gave a permission to “Tiflis citizen Pyotr Kirillov who obtained the position of teacher in the city parochial and elementary

⁵ “Posluzhnoi spisok P.O. Kirillova” [Service Record of P.O. Kirillov]. F. 470, op. 2, d. 3769, l. 4 ob. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State Archive of Krasnodar Krai] (GAKK), Krasnodar, Russia.

⁶ Ibid., l. 5 ob.

⁷ Ibid., l. 6 ob.

⁸ Ibid., l. 5.

⁹ Ibid., l. 16.

school to open in Tiflis an elementary school of the third category for boys.”¹⁰ In 1916, when the issue of pension for the family of P. Kirillov arose, it was noted in the accompanying documents to the Pension Fund Administration that

On the question of what subjects were taught by the former teacher Kirillov in the “private” educational institution of the third category opened by him during the period between April 10, 1879 and June 12, 1880, we can only say (after so many years it is impossible to find quite precise data) that this type of educational institutions does not allow any special deviations; and since Kirillov himself kept a private school and worked in it, it means that he taught general education subjects, the Russian language, Arithmetic, and Scripture in the first place as the main subjects in private educational institutions of the third category even nowadays.¹¹

Apparently, Pyotr Kirillov was not particularly successful in keeping his private school. Therefore, he soon began to look for a place of service with a guaranteed salary. It is possible that he benefited from the Kuban family connections of his wife Evdokiya Sevastyanovna. “Following the suggestion of the director of Public Schools of the Kuban region on July 19, 1880,” on August 1, 1880, P. Kirillov was appointed a teacher of the one-class school in Novominskaya Stanitsa.¹² The Circular of the Caucasus Education District reported that “in June, the private elementary school of the third category maintained by Pyotr Kirillov was closed in the city of Tiflis due to the departure of the keeper from Tiflis.”¹³

Novominskaya Stanitsa of Eisk Uyezd in the Kuban region was located in steppe on both sides of the Albashi River, 143 versts from Ekaterinodar and 75 versts from Eisk. The school where Pyotr Osipovich worked was founded in 1865. In his essay about Novominskaya Stanitsa, the teacher wrote the following about the school:

The school is located in a public building; it is built according to the normal plan for 60 students, with an apartment (two rooms, a kitchen, and a storeroom) for a school teacher. The school building cost the society more than one thousand roubles. The annual assumed sum for the school extends up to 700 roubles (400 roubles for a teacher, 100 roubles for a catechist, 130 roubles for the school library, writing materials and supplies, and the rest undetermined amount for

¹⁰ “Orders of the Trustee of the Caucasus Educational District” [in Russian], *Circular on the Management of the Caucasus Educational District* (hereinafter *TsUKUO*), no. 3 (Tiflis: Tipografiya kantselyarii namestnika Ego Imperatorskogo Velichestva na Kavkaze, 1879), 123.

¹¹ “Posluzhnoi spisok P.O. Kirillova” [Service Record of P.O. Kirillov]. F. 470, op. 2, d. 3769, l. 2 ob. GAKK.

¹² *Ibid.*, l. 7 ob.

¹³ “Orders of the Trustee of the Caucasus Educational District,” *TsUKUO*, no. 7, 1880, 320.

repairs). In addition to the salary and public apartment, a teacher receives from the society servants, heating, and lighting in kind.¹⁴

Once in the Kuban stanitsa, Pyotr Kirillov became actively involved in school affairs. He taught children, petitioned the stanitsa board and the inspector of the school district for the school needs, carefully observing the life of the stanitsa residents that was unusual to him. When characterizing the teacher in August 1888, the inspector of public schools of the 1st district of the Kuban region noted:

For eight years Pyotr Osipovich has been fulfilling his teaching duties diligently, has been treating the role of teacher satisfactorily; and for all the time of service in the Kuban region he, Kirillov, has not caught in anything reprehensible.¹⁵

Soon Kirillov began to write texts to the local newspaper *Kubanskije Oblastnyje Vedomosti* on school education, and particularly on the matters that concerned him personally. Already in the beginning of 1881, he joined the discussion about the shortcomings of elementary schools of the time, which had already been started by stanitsa teachers in the pages of that newspaper.¹⁶

Kirillov presented his reflections on the difficult and often thankless work of a public teacher in his article “A Few Words about Public Education in the Kuban region.” The author saw the prospects not only in the power of persuasion and pedagogical skills of the teacher but also in the establishment of mutual understanding and certain consensus with the people.¹⁷

In another correspondence from Novominskaya Stanitsa, Kirillov talked about the injustice committed by Novominsk Cossacks against Lieutenant Colonel M. Rutkovskii, a constant supporter of the school in the stanitsa.¹⁸

Observing the life of stanitsa residents, P. Kirillov was able to see the everyday drama and bitterness of loss. Describing seeing off Cossacks for service in one of his correspondences, he abandoned the tradition of parade pathos coverage of that ritual

¹⁴ P. Kirillov, “Novominskaya Stanitsa. (A Statistical Description)” [in Russian], in *Kuban Collection. Proceedings of the Kuban Regional Statistical Committee*, ed. E.D. Felitsyn, vol. 1 (Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo Oblastnogo Pravleniya i L. Nitche, 1883), 624–25.

¹⁵ “Posluzhnoi spisok P.O. Kirillova” [Service Record of P.O. Kirillov]. F. 470, op. 2, d. 3769, l. 10. GAKK.

¹⁶ P. Kirilov, a Teacher, “School Ailments” [in Russian], *Kubanskije oblastnyje vedomosti*, no. 1, January 1, 1881, 3.

¹⁷ P. Kirilov, a Teacher, “A Few Words about Public Education” [in Russian], *Kubanskije oblastnyje vedomosti*, no. 43, October 31, 1881, 3.

¹⁸ P. Kirilov, a Teacher, “From Stanitsa Novominskaya” [in Russian], *Kubanskije oblastnyje vedomosti*, no. 27, July 11, 1881, 1.

and emphasized the burdensomeness of that duty for ordinary Cossack families, who sometimes lost their only breadwinner for a long period of time.¹⁹

P. Kirillov's publications apparently attracted the interest of E. Felitsyn, editor of the unofficial part of the newspaper *Kubanskie Oblastnye Vedomosti*. Being at the same time the secretary of the Kuban Statistical Committee established in 1879, Felitsyn tried to form a network of correspondents who would not only help in collecting statistical material²⁰ but also compile comprehensive descriptions of the Kuban settlements.

In 1882, Kirillov became a full member of the Kuban Statistical Committee.²¹ His work henceforth acquired a purposeful character, which became inscribed in the framework of the activities of scientific institutions of the Kuban region. First of all, Pyotr Kirillov focused on the study of Novominskaya Stanitsa where he lived and taught. He had an opportunity to observe the daily life of Cossacks and non-Cossacks, to talk to the parents and relatives of his pupils, and to involve schoolchildren in collecting the information he was interested in.

In 1883, the first volume of the *Kuban Collection* edited by E. Felitsyn was published in Ekaterinodar. Among the first authors of that unique publication was also Pyotr Kirillov, who prepared the article "Novominskaya Stanitsa (A Statistical Description)," which was completed by him on September 12, 1882. The publication began with the characteristics of the population. In his work, P. Kirillov established that Stanitsa Novominskaya was founded in 1821 but,

before it appeared in its present location, farmsteads had already been established here by the residents of the old stanitsas of Kanelovskaya, Starominskaya, and Staroshcherbinovskaya. These residents, together with the immigrants from Poltava and Chernigov governorates, made up the initial population of the newly established stanitsa.²²

The author provided information on the numerical, class and age composition of the residents of the village after analysing the available metric books. Moreover, he indicated the number of births in the last five years, marriage rates, mortality and natural population growth, characterized the confessional situation in Novominskaya Stanitsa.²³

P. Kirillov also provided information about the literacy of the population, offered data on the size of land plots, characterized the local conditions, soils and climate. A

¹⁹ P. Kirillov, a Teacher, "Seeing off Cossacks for Service in Transcaucasia" [in Russian], *Kubanskie oblastnye vedomosti*, no. 34, August 29, 1881, 3.

²⁰ Ratushnyak, *Development of Local History*, 36.

²¹ Ratushnyak, *Development of Local History*, 204.

²² Kirillov, "Novominskaya Stanitsa," 618–19.

²³ Kirillov, "Novominskaya Stanitsa," 624.

significant part of the work was devoted to the description of the economy and traditional occupations of the residents of Novominskaya Stanitsa. The author revealed the peculiarities of cattle breeding, methods of land use, hayfields and grain farming, and also paid attention to the development of beekeeping, crafts, trade, described the existing tax duties, the state of public stocks and public capital.

In the above-mentioned article, Pyotr Kirillov described an extremely unflattering situation in the stanitsa's public life, and noted:

Lack of solidarity between the members of society in understanding public and personal interests, in constant theft litigations, self-rule, and various offenses, not only between strangers, but also between relatives, siblings, fathers and children. . . A rare family of relatives has a common household and is engaged in farming together; in most cases, married sons separate from their parents and maintain their separate households. Loose morals are also obvious. All public affairs are discussed in taverns, where terrible shouting, under the influence of igniting moisture that causes great eagerness, often ends in a brawl. In the summer, every Cossack with all his property moves to his "kosh" (winter-house) or khutor, and comes back only on Sundays; but someone stays to guard the house; otherwise, a neighbour would take advantage of his neighbour's carelessness and steal something from him.²⁴

It seems that P. Kirillov, a newcomer in Novominskaya Stanitsa, a man of liberal-democratic convictions, somewhat exaggerated the situation in the stanitsa in his expositional outburst. Even the editor of the first volume of the *Kuban Collection* E. Felitsyn had to place a special note under this perception of reality by Kirillov. Thus, he wrote:

The editorial board allows itself to compare this categorical reference to the lack of solidarity among the members of the public with the fact cited above in the description regarding bringing to trial by the stanitsa's community of 37 rich people for violating the verdict on haymaking. Where such facts are possible, the lack of social solidarity can be spoken of only conditionally; a conditional presentation of the case requires strict factuality and examples without which it loses its evidentiary force.²⁵

Regarding the family quarrels described by Kirillov, Felitsyn noted:

It seems to us that both here and below the author painted the devil blacker than he is while describing reality. According to the stanitsa's court books it appears that only 280 cases were tried in 1876; 82 cases in 1877; 220 cases in 1878;

²⁴ Kirillov, "Novominskaya Stanitsa," 641–42.

²⁵ Kirillov, "Novominskaya Stanitsa," 641.

157 cases in 1879; 232 cases in 1880; 56 cases during 6 months of 1881, namely, 8 cases in January, 19 in February, 5 in March, 1 in April, 19 in May, and 4 in June. If we take into account the fact that a considerable part of litigation arises because of some minor damage, small property claims, trivial personal offenses and other ordinary commonplace motives, the morality of the population of Novominskaya Stanitsa would not seem as low as it possibly seems on the basis of the author's general characterization.²⁶

Modern field research shows the importance of collectivist values, which were supported at various levels and in various ways and forms, for Kuban stanitsas.²⁷ The same also applies to moral values, such as diligence, honesty, and justice. The old residents told that before 1905, they did not know in the stanitsas what stealing was, what a thief looked like, and always left the house doors unlocked.²⁸

Despite a rather subjective approach to the coverage of the material, Kirillov's work was quite highly appreciated in the review of the first volume of the *Kuban Collection* published in the journal *Kievskaya Starina* in 1884.²⁹

In addition to statistical data, Kirillov was interested in folklore and most of all in songs. In 1883, he prepared for publication a voluminous manuscript devoted to the songs sung in Novominskaya Stanitsa, which included 113 texts he had recorded. According to the classification that existed at the time, the collector divided the song folklore of Novominskaya Stanitsa into four types: historical songs, Chumak songs, military songs, and everyday-life songs. The work "Little Russian Songs of Novominskaya Stanitsa, Eisk Uyezd, Kuban Region" appeared in the 4th volume of the *Collection of Materials for the Description of Territories and Tribes of the Caucasus*. In a note, the collector pointed out that

he considered it useful to record variants of the songs sung in the stanitsa, which are already partly known in the printed form from the collections by Dragomanov, Lysenko, and others.³⁰

²⁶ Kirillov, "Novominskaya Stanitsa," 641.

²⁷ N.I. Bondar', "Revisiting the Traditional System of Values of the Kuban Cossacks (Part One. 19th – Early 20th Century)" [in Russian], in *From the Cultural Heritage of the Slavic Population of the Kuban Region*, comp. N.I. Bondar' (Krasnodar: Izdatel'stvo Krasnodarskogo eksperimental'nogo tsentra razvitiya obrazovaniya 1999), 9.

²⁸ Bondar', "Revisiting the Traditional System of Values," 18.

²⁹ "Kuban Collection. Proceedings of the Kuban Regional Statistical Committee, Published under the Editorship of E.D. Felitsyn, an Acting Member of the Kuban Regional Statistical Committee, vol. 1, with a map of the Kuban Region (Ekaterinodar, 1883)" [in Russian], *Kievskaya Starina*, vol. 8, no. 4 (April) (1884): 655.

³⁰ P. Kirillov, a Teacher at Novominskoe Aleksandrovscoe uchilishche [School], "Little Russian Songs of Stanitsa Novominskaya, Eisk Uyezd, Kuban Region" [in Russian], in *Collection of*

Kirillov's collection, unfortunately, was neither notated nor passportized, and none of the respondents from whom the texts were recorded was indicated. It reduces the scientific merit of the texts recorded by the author but allows us to get some idea of the repertoire of Novominskaya residents of that time. Some texts ("Kak stoyali vozle bukhty" [As we stood near the bay], "Krutyye gory i ushel'ya" [The mountains and gorges are steep]) clearly do not fit into the definition of the Little Russian songs. However, the collector himself made a remark that they were cited "as samples of later Line Cossack creativity."³¹

The low level of Kirillov's collection of songs reflects the state of folklore studies in general at that time. Even such a famous researcher of folklore and antiquities as V. Miller noted exclusively the preservation of the Little Russian tradition in Novominskaya Stanitsa in his review of the 4th volume of the *Collection of Materials for the Description of Territories and Tribes of the Caucasus*.³²

Later, Kirillov devoted another substantial work to Novominskaya Stanitsa. In 1889, his work on traditional occupations and crafts in the stanitsa was published in the 8th volume of the *Collection of Materials for the Description of Territories and Tribes of the Caucasus*. The author pointed out that the residents were mainly engaged in farming and cattle breeding and also reflected the presence of blacksmith, locksmith, tailor, shoemaker, tannery, furrier, wool-working, cooperage, cart, carpentry, joinery, carpentry, weaving, hemp, and wool production, and also the existence of a creamery in the stanitsa.³³ It is interesting that the Latvians who lived in the neighboring farms are mentioned as manufacturers of woolen cloth in the work of the local historian. Kirillov not only described their experience but also recommended the Cossacks to adopt it.³⁴

In 1887, according to the program of Felitsyn, Kirillov made a description of Staroderevyankovskaya Stanitsa, which was also published in the newspaper *Kubanskije Oblastnyje Vedomosti*. According to the program, he characterized the natural landscape, soils and flora of the environs of the stanitsa. The toponymic information on Staroderevyankovskaya Stanitsa provided in the article is of undoubted interest.³⁵

Materials for the Description of Territories and Tribes of the Caucasus, vol. 4, (Tiflis: Tipografiya kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoyu chast'yu na Kavkaze, 1884), otd. 2, 77.

³¹ Kirillov, "Little Russian Songs," 86.

³² Vs. Miller, Review of *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza* [Collection of Materials for the Description of Territories and Tribes of the Caucasus], publication of the Caucasus Education District Administration, iss. 4 (Tiflis, 1884) [in Russian], *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no. 5 (1885): 95.

³³ Kirillov, "Novominskaya Stanitsa," 151.

³⁴ Kirillov, "Novominskaya Stanitsa," 151.

³⁵ P.O. Kirillov, "Stanitsa Staroderevyankovskaya. A Statistical Description Compiled by P.O. Kirillov" [in Russian], *Kubanskije oblastnyje vedomosti*, no. 6, 1887, 3.

After the description of climatic conditions of the area, the author of the essay presented some historical information. In particular, he believed that “the year when Staroderevyankovskaya Stanitsa was founded should be considered to be 1794,” when local kurins “were given the names that were the same as in the abolished Zaporozhian Sich.”³⁶ Among other settlements on the banks of the Chelbasy River, a kurin under the name of Derevyankovskii was founded. Kirillov noted that “Staroderevyankovskaya Stanitsa, unlike Novoderevyankovskaya Stanitsa, acquired its name in 1820 when the latter was founded; before 1820 it was called Derevyankovskaya.”³⁷

In fact, as historian and archivist V. Shkuro pointed,³⁸ the history of the foundation of the stanitsa was more complicated than it seemed to the Novominskaya teacher. The first kurin settlement under the name of Derevyankovskoye appeared on the banks of the Yeya River, but not on the banks of the Chelbasy River. However, the place chosen by the army authorities did not satisfy the inhabitants, and in 1803 the settlement was transferred to the banks of the Chelbasy River. Not in 1820, but on June 9, 1827, the kurin settlement of Nizhnealbashskaya got the name of Novoderevyankovskaya following the decision of the Black Sea army chancellery, and Derevyankovskaya was renamed Staroderevyankovskaya.³⁹

There was also a question about the connection of the stanitsas population with the Zaporozhian Cossacks. P. Kirillov wrote about them, quoting the famous song of A. Golovatyi “*Oi, godi nam zhurytysya*” [Let us stop being sad] (1792). The author cited a document he found in the papers of the stanitsa government. It was the statement dated March 5, 1811 on the composition of the population of the kurin of Derevyankovskaya. According to that document, there were 208 male and 167 female old residents who had arrived during the resettlement of the Black Sea Cossacks (among whom the former Zaporozhians made only 30%. – *O. M.*), but 460 males and 462 females came from Poltava and Chernigov governorates. In 1821–22, another 205 families moved from the same governorates.⁴⁰ Taking into account the fact that another 176 men and 159 women from the same territories settled in the stanitsa in

³⁶ P.O. Kirillov, “Stanitsa Staroderevyankovskaya. A Statistical Description Compiled by P.O. Kirillov (Continued)” [in Russian], *Kubanskiye oblastnyye vedomosti*, no. 9, 1887, 3.

³⁷ Kirillov, “Stanitsa Staroderevyankovskaya (Continued),” no. 9, 3.

³⁸ Vladimir Il'ich Shkuro (1935–2020), a former chief specialist of the State Institution “State Archive of Krasnodar Krai,” born in the Kuban village of Pereyaslavskaya. He was a major local historian of Kuban, an expert in the field of Cossack genealogies, military history of the Kuban region and Russia, and archival work.

³⁹ N.V. Maleeva et al., comps., *The First Census of Cossack Settlers to Kuban at the End of the 18th Century: Historical Documents* [in Russian] (Krasnodar: Diapazon-V, 2006), 420.

⁴⁰ Kirillov, “Stanitsa Staroderevyankovskaya (Continued),” no. 9, 3.

1848,⁴¹ it seems that the core of the stanitsa's population was far from being former Zaporozhians.

The essay thoroughly presented demographic characteristics of the population, including the statistics of births, marriage, and mortality. In ethnographic terms, the section "Habits, Inclinations, and Customs of the People" is of some interest. Kirillov noted:

One could say that in relation to body-care, room, clothing, and food, the residents of the stanitsa are tidy. In the summer they wash in the river and at home but consider bathing in a bathhouse a sin. That is why Russians make jokes about Ukrainians that a Ukrainian bathes twice in his life, once when he is born and once when he dies.⁴²

Given the fact that almost every former Black Sea stanitsa had a paid public bathhouse,⁴³ such characterization goes back to a common stereotype.

Kirillov's assessments of the character and mentality of the residents of Staroderevyankovskaya Stanitsa look somewhat biased as well:

The Cossacks have only outer respect for their superiors, but deep in their hearts they hate them. As long as a Cossack is on duty, when he meets his superiors, he involuntarily salutes them; but as soon as he retires, he becomes unrecognizable: not only is he not respectful to his elders, but he is insolent on occasion, and when he meets them, he would never take off his hat first. They show more respect to the clergy, but they are not averse to making fun of them or creating a humorous song, saying, or proverb. They do not demonstrate any subservience to people who have higher positions than they do; they treat the dependent persons with disdain and despotism and are not averse to pricking them with the phrase "you live on our bellies," even if the one to whom these words refer is the most honest worker. Neither curiosity nor ingenuity is noticed in the inhabitants of the stanitsa; on the other hand, striking are secrecy, desire to humiliate another, lack of affection and friendship, and vindictiveness. There is a great tendency to arguments, which are often empty, and fights. Fights most often occur at various kinds of drunken gatherings or when material interests clash (at mowing or plowing the land – where there is still a collective use of Cossack land). There were examples when during quarrels they resorted to and there were killings. The spirit of former Cossacks' prowess manifests itself most often in drunken people, when there is an itch in their hands and a desire to "beat someone up." There is

⁴¹ Maleeva et al., *The First Census of Cossack Settlers*, 420.

⁴² P.O. Kirillov, "Stanitsa Staroderevyankovskaya. A Statistical Description Compiled by P.O. Kirillov (Continued)" [in Russian], *Kubanskije oblastnye vedomosti*, no. 12, 1887, 3.

⁴³ K.V. Chistov, ed., *Kuban Stanitsas. Ethnic, Cultural and Everyday Life Processes in the Kuban Region* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1967), 121.

no persistence and constancy in the fulfilment of a once-considered intention. Stubbornness, unwillingness to see anything good except in one's congealed notions and beliefs, is outrageous.⁴⁴

Apparently, Kirillov did not learn the lesson of Felitsyn "painting the devil blacker than he is" and generalized isolated cases, and, possibly, even personal prejudice in a primitively simplified portrait of the inhabitants of the entire Kuban stanitsa. The Cossacks' attitude to "superiors" was formed historically and was connected to the growing distance between the Cossacks and the authorities, the growth of a number of officials beyond the control of the stanitsa's community, the curtailment of rights to land, self-government, etc.⁴⁵ Apparently, the uniform worn by teachers and officials of the Ministry of Public Education, with its standing collar and cuffs, gilded buttons, and a cap with a cockade was not encouraging any kind of frankness. At least in the case of Kirillov, to whom the residents of Staroderevyankovskaya Stanitsa were in no hurry to open their souls, demonstrating their "congealed notions and beliefs" as well as "secrecy," "vindictiveness" and unwillingness to be friends that seemed "outrageous" from the teacher's point of view. "Neglect," rudeness, "despotism," and conflict were clearly situational in nature and can be explained to some extent by the maximalism in the demands the stanitsa residents made not only on other people but also on themselves.⁴⁶ The teacher with liberal views and progressive aspirations was apparently not yet ready to comprehend the traditional picture of the world, even though he had already been living in the rural hinterland for seven years. But still, being a man of intelligence and observation, deep inside Kirillov realized the limitations of his approaches to folk culture, which is why he rightly noted:

For all the seeming unattractiveness of this people, there are many sympathetic aspects of their inner, deepest life that are seldom found in a civilized modern man.⁴⁷

Folk beliefs are presented in the work in a fragmentary way:

According to the residents, extermination of locusts is a sin, for "it is," they say, "resistance to the will of God." Stealing bees is considered the biggest sin. The residents believe in various spells, enchantments, whispers, witchcraft, etc. If the bread is twisted (there are "twists") in one or several places in a field, it is usually believed to be a witch's work, and the field is not to be mowed unless they find a person who knows a spell against "twists." According to the residents, if they

⁴⁴ Kirillov, "Stanitsa Staroderevyankovskaya (Continued)," no. 12, 3.

⁴⁵ Bondar', "Revisiting the Traditional System of Values," 11.

⁴⁶ Bondar', "Revisiting the Traditional System of Values," 19.

⁴⁷ Kirillov, "Stanitsa Staroderevyankovskaya (Continued)," no. 12, 3.

mow such a field, someone in the family would die. . . If thunder strikes a dry tree (when it is still without leaves), there will be a crop failure. If the first butterfly you see in spring is yellow, you will be sick; but if you see a white butterfly, you will be healthy. If you give money on interest, you will be eaten alive by worms.⁴⁸

Some data on rational and irrational aspects of folk medicine practiced by the residents of Staroderevyankovskaya were also reflected in the essay.

Youth subculture was presented in that work by Kirillov fragmentarily. The teacher reported that

As long as there is still no work in the field, young guys (*parobki*) and girls (*divchata*) gather in some houses for evening or overnight gatherings (*vechernytsyi* and *dosvytky*), where they spend time making jokes that are often obscene. Everyone can bring here some money or something in kind (sausage, lard, eggs, bread). In good weather, several dozen young people walk the streets together and sing songs far past midnight.⁴⁹

Kirillov devoted special sections of his work to the level of literacy in the stanitsa as well as to traditional occupations, such as cattle breeding, grain farming, gardening, fishing, and beekeeping.⁵⁰ Much space is given to the military conscription of the Cossacks, internal in-kind duties, the state of the food supply, public capitals, and affairs in the stanitsa court.⁵¹ In general, Kirillov's work about Staroderevyankovskaya Stanitsa is written in the spirit of the ideas of folk life that were typical for that time. It is characterized by unmethodical descriptiveness without an attempt to reveal the worldview basis of folk culture and the interrelation of all its aspects.

Having gained some experience in cooperation with various periodicals, Kirillov, apparently, became tired of the hard work as a teacher and decided to devote himself entirely to journalism and local history. On August 15, 1888, he was dismissed from the post of the teacher of the Novominskaya school, "following the request" filed by him.⁵²

⁴⁸ Kirillov, "Stanitsa Staroderevyankovskaya (Continued)," no. 12, 3.

⁴⁹ Kirillov, "Stanitsa Staroderevyankovskaya (Continued)," no. 12, 3.

⁵⁰ P.O. Kirillov, "Stanitsa Staroderevyankovskaya. A Statistical Description Compiled by P.O. Kirillov (Continued)" [in Russian], *Kubanskije oblastnye vedomosti*, no. 13, 1887, 3; no. 14, 1887, 3–4; no. 15, 1887, 3.

⁵¹ P.O. Kirillov, "Stanitsa Staroderevyankovskaya. A Statistical Description Compiled by P.O. Kirillov (Continued)" [in Russian], *Kubanskije oblastnye vedomosti*, no. 16, 1887, 2.

⁵² "Posluzhnoi spisok P.O. Kirillova" [Service Record of P.O. Kirillov]. F. 470, op. 2, d. 3769, l. 7 ob. GAKK.

In 1891, the second volume of the *Kuban Collection* published an ethnographic essay by Pyotr Kirillov “Black Sea Wedding.” Under the Black Sea region, the local historian understood

the entire northwestern region of the stanitsas of the Kuban Cossack Host, inhabited by the Cossacks of the former Black Sea Cossack Host, which was formed from the remnants of the Zaporozhian Army.⁵³

Even in the late 19th century, such a definition of the former Black Sea region did not correspond to the level of scientific ideas of the time. Firstly, as we have seen in the instance of Staroderevyankovskaya Stanitsa, the complex ethno-social composition of the population of the former Black Sea stanitsas did not fit into the concept of the “remnants of the Zaporozhian Host.” Secondly, the most important features of traditional culture are stereotype / variation, typical / non-typical,⁵⁴ and in the work by Kirillov even a hint of attachment to any specific settlements can hardly be found, and it is difficult to say what sources the author used to prepare his essay on the Black Sea wedding traditions. Most likely, those were the materials collected by him in the stanitsas of Novominskaya and Staroderevyankovskaya during his teaching career. In addition, the local historian apparently used P. Korolenko’s work “Black Sea Weddings” (1865) and statistical descriptions of a number of Kuban stanitsas. In a review published in the historical journal *Kievskaya Starina*, it was noted that

Kirillov’s ethnographic work “Black Sea Wedding,” which consistently cites all the songs of this impressive Little Russian ritual, can serve as the best material for clarifying the ethnic peculiarities of the Black Sea people. Some of the ritual songs of the Black Sea wedding coincide word for word with Chernigov and Poltava songs or with Kherson and Kharkov songs; others represent different variations of the material that has been already published.⁵⁵

However, the lack of geographical references and P. Kirillov’s neglect of such features of traditional culture as variability and locality reduce the value of his essay.

⁵³ P.O. Kirillov, “Black Sea Wedding. An Ethnographic Essay” [in Russian], *Kuban Collection. Proceedings of the Kuban Regional Statistical Committee*, vol. 2, ed. E.D. Felitsyn (Ekaterinodar: Tipografiya A.P. Stashevskogo i tip. L. Natche, 1891), 3.

⁵⁴ N.I. Bondar’, “Traditional Spiritual Culture of the Kuban Cossacks (Late 19th – First Half of the 20th Centuries)” [in Russian], in *Traditional Culture and Children. Iss. 1: A Collection of Scientific Works*, ed. N.I. Bondar’ (Krasnodar: Izdatel'stvo Krasnodarskogo eksperimental'nogo tsentra razvitiya obrazovaniya, 1994), 8–9.

⁵⁵ P., “Publications of the Statistical Committees of Southern Russia in 1891: Committees of Kiev, Volhynia, Chernigov, Poltava, Voronezh, and Kuban, *Kuban Collection*, and *Calendar of Chernigov Governorate*” [in Russian], *Kievskaya Starina*, vol. 35. no. 11 (November) (1891): 322.

The essay describes the wedding ritual characteristic of the former Black Sea stanitsas, its main stages and songs. The author singled out making a marriage proposal, the engagement (*rushnyky*), preparation for the wedding, the first and second days of the wedding.⁵⁶ The sequence and character of the actions described by P. Kirillov are typical for the whole territory of the former Black Sea region. Nevertheless, the terminology and terms of the rituals in their relation to each other can be seen as variable features of the material presented.⁵⁷ In Kirillov's work they are different from the traditional ones.

In the description of the first day of the Black Sea wedding, the ritual of "decorating the wedding procession" attracts special attention.⁵⁸ Kirillov also told about the procedure of meeting the procession and the tradition of paying ransom for the bride, rituals and texts related to the movement of the main wedding characters from the bride's house to the groom's house, and the process of giving presents. Describing the second day of the wedding, the author noted:

As soon as the groom the gun, at this signal the best man (*druzhko*) and the senior bride's maid (*svashka*) come in; they examine what they should and call other bride's maids and relatives. If the bride turns out to be "dishonest," she is placed at the stove and a bonnet is put on her head; if she throws it off, the bonnet is put on her head again. Straw clamps are also put on the relatives of the bride for shame; they also resist, and often such insults to honor end in a general quarrel. If the young woman is found to be "honest," the examined shirt is placed on her head, and she sings,

*"Oi, ne byisya, matyn'ko, ne byisya!
U chervonny chobytochky obuisya,
Topchy vorogyv pyd pyaty,
Nekhai vony perestanut' brekhaty. . ."*
[Oh, mother, don't be afraid,
Put your red shoes on,
Trample the enemies,
So that they would stop telling lies. . .]⁵⁹

In general, Kirillov's essay gave some idea about the course of the Black Sea variant of the Kuban wedding. However, the scientific value of that work is insignificant even for the level of of Russian ethnography in the late 19th century.

Service on the Kuban Regional Board apparently allowed Kirillov to use the materials of the army archive,⁶⁰ and therefore he made excerpts from documents

⁵⁶ Kirillov, "Black Sea Wedding," 4–5.

⁵⁷ S.A. Zhiganova, "Kuban Wedding as a Musical and Ethnographic Tradition of Late Formation" [in Russian] (PhD thesis, Gnesin Russian Academy of Music, 2008), 11.

⁵⁸ Kirillov, "Black Sea Wedding," 10–11.

⁵⁹ Kirillov, "Black Sea Wedding," 23–24.

related to the history of the exploration of the Trans-Kuban Region by the Cossacks. In 1903, two works by Kirillov devoted to that subject were published in the 9th volume of the *Kuban Collection*. The first one was a publication of rare documents on the history of colonization of the Trans-Kuban Region. In particular, it included orders related to the period when Lieutenant Colonel A. Pistol'kors, an outstanding officer and administrator, was in command of the 26th Regiment of the Kuban Cossack Host. These documents contain interesting data on the ethnic and social composition of the regiment's stanitsas, their economy and everyday life.⁶¹ Other orders provide insight into self-government, public works, sanitary conditions, housing, church life, organization of the supply and food system.⁶² These and similar documents provide an opportunity to study the everyday life of the Cossack population of the Trans-Kuban Region.

Another work by P. Kirillov was devoted to Ryazanskaya Stanitsa. Apparently, the author of the essay personally visited the stanitsa, which can be understood from the notes that allow us to see the range of the sources used: "We extracted this and other information from the archive of Ryazanskaya Stanitsa";⁶³ "These incantations were recorded according to the words of Cossack Sergeant G. Cherepov, former ataman of Ryazanskaya Stanitsa."⁶⁴

Much space in the article is given to the history of the stanitsa, which appeared during the final stage of the Caucasian War. The local historian noted:

The stanitsa of Ryazanskaya, Yekaterinodarskii otdel, Urup regimental district, is located on the right elevated bank of the Kurgo River. It was founded among other stanitsas on the Pshish cordon line in 1863, on the right side of the river Pshish, on the site of the former redoubt and post Gabukaevskii, named after the aul of Gabukaevskii located in 3 versts from the stanitsa, on the left side of the river Pshisha. In 1863, Gabukaevskaya Stanitsa was part of the 26th regiment among other 10 stanitsas located between the rivers Belaya, Pshekha, and Pshish.⁶⁵

⁶⁰ Unfortunately, the sources that have been found so far do not allow us to consider the details and circumstances of P. Kirillov's service on the Kuban Regional Board.

⁶¹ P. Kirillov, "More on the History of Colonization of the Trans-Kuban Region" [in Russian], *Kuban Collection: Proceedings of the Kuban Regional Statistical Committee*, vol. 9, ed. S.V. Rudenko (Ekaterinodar: Tipografiya I.F. Boiko, 1902), 79–80.

⁶² P. Kirillov, "More on the History of Colonization of the Trans-Kuban Region" [in Russian], in *Kuban Collection: Proceedings of the Kuban Regional Statistical Committee*, vol. 13, ed. I.Z. Sadilo (Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo Oblastnogo Pravleniya, 1908), 98.

⁶³ P.O. Kirillov, "Stanitsa Ryazanskaya (Former Gabukaevskaya). A Historical and Statistical Description" [in Russian], *Kuban Collection: Proceedings of the Kuban Regional Statistical Committee*, vol. 9, ed. S.V. Rudenko (Ekaterinodar: Tipografiya I.F. Boiko, 1902), 117.

⁶⁴ Kirillov, "Stanitsa Ryazanskaya," 123.

⁶⁵ Kirillov, "Stanitsa Ryazanskaya," 115.

The author further reported that in 1868

Gabukaevskaya Stanitsa, unlike the aul of Gabukaevskii, was renamed Ryazanskaya Stanitsa in honor of the Ryazan Regiment, which was the first to defeat the highlanders.⁶⁶

P. Kirillov described the composition of the first residents of the stanitsa as follows:

It was planned to settle 175 families in Gabukaevskaya Stanitsa, of which 118 families were from the Black Sea stanitsas, 7 families of state peasants and 49 families of the 1st Sunzhenskii regiment. . . As of May 15 (1863. – *O. M.*), there were 256 persons (including 17 Cossack sergeants) on the list of Cossacks able to bear arms. They were removed settled from the following stanitsas: 80 persons from Pashkovskaya Stanitsa; 48 from Medvedovskaya; 7 from Rogovskaya; 7 from Novodzherelievskaya; 12 from Sergievskaya; 9 from Dyadkovskaya; 2 from Timoshevskaya; 5 from Starokorsunskaya; 11 state peasants from Voronezh Governorate; 52 and from Terek Cossack Host.⁶⁷

In the early 20th century, the population of the stanitsa was as follows in terms of religion and ethnic origin:

Except for 50 males and 35 females of Armenian-Gregorian origin, the rest of the population in the stanitsa consists of Orthodox Christians. Except for 85 Armenians, the rest of the population is Russian by nationality and consists of Little Russians and Great Russians. When settling in Ryazanskaya, Little Russians were hostile to the Great Russians, and it was considered shameful to marry the latter. Now this hostility of the Little Russians to the Great Russians is not noticed in the stanitsa anymore.⁶⁸

According to the requirements of statistical description, P. Kirillov gave demographic characteristics of the population (number of births, mortality, natural increase, marriages, literacy), described the state of soils, climate, traditional occupations (cattle breeding, arable farming, tobacco growing, horticulture, beekeeping, crafts, trade), and gave information about the duties of the stanitsa residents.

The folklore ethnographic materials proper are presented in that work to a lesser extent than, for example, in the description of Staroderevyankovskaya Stanitsa. In the context of the adaptation of settlers to local natural and economic conditions, the

⁶⁶ Kirillov, "Stanitsa Ryazanskaya," 127.

⁶⁷ Kirillov, "Stanitsa Ryazanskaya," 118.

⁶⁸ Kirillov, "Stanitsa Ryazanskaya," 132.

author also gave some information about folk medicine.⁶⁹ In addition, the author supplemented the essay 13 texts of the songs recorded by him in Ryazanskaya Stanitsa. The texts are divided into two groups: Little Russian and Line Cossack songs. The Little Russian songs include four texts: lyrical songs (“*Yak u sadu, tak v lisi*” [In the garden and in the forest], “*V mene baten'ko svit*” [I have a saint-like father]) and joking songs (“*A vchora bula subotanka*” [It was Saturday night yesterday], “*Na gorodi budyak*” [There is thistle in the vegetable garden]). The section with Line Cossack songs includes farewell songs (“*Proshchai, strana moya rodnaya!*” [Farewell, my native country!]), military and everyday songs (“*Chto ty, sunzhenets, ne vesel*” [Why are you, Sunzha local, not merry]), a historical song about General Sleptsov (“*Pyl' klubitsya po doroge*” [Dust is blowing along the road]), wedding songs (“*Oi, Zayushka, Zayushka*” [Oh, my dear, dear] and “*Oi, bereznichek listovaty*” [Oh, the leafy birch]), love songs (“*Poekhal kazak na chuzhbinu daleko*” [A Cossack went to a faraway land], “*Oi, vo pole travushka gorela*” [Oh, the grass was burning in the field], “*Chto-to v lese zatikhlo*” [It's gone quiet in the forest], and “*Sad moi, sad zelenyi*” [My garden, my green garden]). Unfortunately, the texts of the songs have no attribution.

On January 27, 1902, P. Kirillov was “transferred to the position of accountant of the Ekaterinodar military hospital following his own request”⁷⁰ by order of the Kuban regional government. He was also promoted to new ranks: on September 15, 1902, he was awarded the rank of collegiate secretary “for the length of service,” and on February 29, 1904, he became titular councilor.⁷¹ However, Kirillov’s creative nature apparently did not get along well with the daily routine of a minor official’s service. On September 6, 1906, Kirillov was “dismissed from office due to the incorrect and careless keeping of books and records revealed in a sudden inspection of the hospital.”⁷²

In order to support his family, P. Kirillov decided to return to teaching. On September 22, 1907, he was hired as the 2nd teacher of the 4th Ekaterinodar one-class school. From time to time, his essays continued to appear in the press. He took an active part in public life, being “a member of the board of the Society of Teachers and the Society of Clerks.”⁷³ During the First Russian Revolution he even tried to edit the cadet newspaper *Svoboda*.⁷⁴

⁶⁹ Kirillov, “Stanitsa Ryazanskaya,” 123–24.

⁷⁰ “Posluzhnoi spisok P.O. Kirillova” [Service Record of P.O. Kirillov]. F. 470, op. 2, d. 3769, l. 19 ob. GAKK.

⁷¹ Ibid, l. 20 ob.

⁷² Ibid.

⁷³ “P.O. Kirillov” [in Russian], *Kubanskije vedomosti*, no. 46, February 28, 1947, 2.

⁷⁴ “P.O. Kirillov,” 2.

On September 23, 1915, P. Kirillov was dismissed “from his position and from service in general due to poor health on his own request.”⁷⁵ The doctor diagnosed progressive paralysis and wrote in the medical examination report as of December 13, 1915 that the disease was associated “with intense professional work that required expenditure of special nervous energy.”⁷⁶ Pyotr Kirillov’s life ended on February 22, 1917. The newspaper *Kubanskie Vedomosti*, for which the local historian had written for years, published a short obituary:

The other day, public teacher P.O. Kirillov died in the psychiatric ward of the military hospital. The deceased worked in the field of public education for more than 20 years, being at the same time no stranger to social activities. . . P.O. died at the age of 69.⁷⁷

Conclusion

In regional history and culture, Pyotr O. Kirillov occupies an important place as one of the most prominent correspondents of Evgenii D. Felitsyn from the teaching community, who implemented the program of statistical and ethnographic description of the Kuban settlements. The historian’s works devoted to the population of the stanitsas of Novominskaya, Staroderevyankovskaya, and Ryazanskaya, his essay on the Black Sea wedding traditions, and the folklore materials and archival documents published by him represent the initial stage of studying the historical past and spiritual wealth of the Kuban region. This initial stage consisted in the accumulation of factual material and reflected the approaches to the folk culture typical of the mid- and second half of the 19th century. Scholarly significance of these works is not particularly great. However, they awakened interest in the “living old times” and rich historical experience of the region, and also laid a certain foundation and formed continuity in the study of the history of Kuban region.

Pyotr O. Kirillov was a man of his era, an active representative of those people who interpreted folk culture through the one-sided ideas about progress and civilization that had been acquired earlier. This affected the quality of his works and was reflected in a shallow immersion in the meaning and ideological basis of the traditional heritage of the Kuban people, descriptiveness, and ignoring the methodological tools that were already available to Russian folklore studies, sociology, and linguistics at that time. Kirillov clearly lacked the breadth of thought and systematic approach of Felitsyn. However, let us not forget that the opportunities of the ordinary village teacher, and the minor official of the Kuban regional government later, were more than modest. Therefore, let us nevertheless pay tribute

⁷⁵ “Posluzhnoi spisok P.O. Kirillova” [Service Record of P.O. Kirillov]. F. 470, op. 2, d. 3769, l. 23. GAKK.

⁷⁶ Ibid, l. 11 ob.

⁷⁷ “P.O. Kirillov,” 2.

to this devotee, who managed to find time to work in the field of studying folk culture in the course of the difficult days of teaching and official routine and laid the first bricks in the multi-story building of Kuban studies together with other enthusiasts from among the local historians.

Список литературы

Бойчук С.Г. Евгений Дмитриевич Фелицын: общественно-просветительская и научная деятельность Е.Д. Фелицына (1848–1903). Краснодар: Традиция, 2010. 174 с.

Бондарь Н.И. К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества (Часть первая. XIX – начало XX века) // Из культурного наследия славянского населения Кубани / составитель Н.И. Бондарь. Краснодар: Издательство Краснодарского экспериментального центра развития образования, 1999. С. 3–28.

Бондарь Н.И. К истории фольклорно-этнографических исследований на Кубани (Дореволюционный период) // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода: сборник научных трудов / под редакцией С.С. Минц и др. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1991. С. 114–124.

Бондарь Н.И. Традиционная духовная культура кубанского казачества (конец XIX – первая половина XX вв.) // Традиционная культура и дети. Вып. 1: сборник научных трудов / под редакцией Н.И. Бондаря. Краснодар: Издательство Краснодарского экспериментального центра развития образования, 1994. С. 5–38.

Жиганова С.А. Кубанская свадьба как музыкально-этнографическая традиция позднего формирования: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Российская академия музыки им. Гнесиных, 2008. 27 с.

Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / под редакцией К.В. Чистова. Москва: Наука, 1967. 356 с.

Ратушняк Т.В. Развитие краеведения на Кубани (конец XVIII – первая треть XX в.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013. 267 с.

References

Boichuk, S.G. *Evgenii Dmitrievich Felitsyn: obshchestvenno-prosvetitel'skaya i nauchnaya deyatel'nost' E.D. Felitsyna (1848–1903)* [Evgenii Dmitrievich Felitsyn: Public educational and scientific activities of E.D. Felitsyn (1848–1903)]. Krasnodar: Traditsiya, 2010. (In Russian)

Bondar', N.I. “K istorii fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniy na Kubani (Dorevoluytsionnyi period)” [More on the history of folklore and ethnographic studies in Kuban (Pre-revolutionary period)]. In *Problemy istoriografii i kul'turnogo naslediya narodov Kubani dorevoluytsionnogo perioda: sbornik nauchnykh trudov* [Problems of historiography and cultural heritage of the Kuban peoples of the pre-revolutionary period: Collected scientific papers], edited by S.S. Mints et al., 114–24. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 1991. (In Russian)

Bondar', N.I. “K voprosu o traditsionnoi sisteme tsennostei kubanskogo kazachestva (Chast' pervaya. XIX – nachalo XX veka)” [Revisiting the traditional system of values of the Kuban Cossacks (Part One. 19th – Early 20th Century)]. In *Iz kul'turnogo naslediya slavyanskogo naseleniya Kubani* [From the cultural heritage of the Slavic population of the Kuban region],

compiled by N.I. Bondar', 3–28. Krasnodar: Izdatel'stvo Krasnodarskogo eksperimental'nogo tsentra razvitiya obrazovaniya, 1999. (In Russian)

Bondar', N.I. “Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura kubanskogo kazachestva (konets XIX – pervaya polovina XX vv.)” [Traditional spiritual culture of the Kuban Cossacks (late 19th – first half of the 20th centuries)]. In *Traditsionnaya kul'tura i deti. Vyp. 1: sbornik nauchnykh trudov* [Traditional culture and children. Iss. 1: A collection of scientific works], edited by N.I. Bondar', 5–38. Krasnodar: Izdatel'stvo Krasnodarskogo eksperimental'nogo tsentra razvitiya obrazovaniya, 1994. (In Russian)

Chistov, K.V., ed. *Kubanskie stanitsy. Etnicheskie i kul'turno-bytovye protsessy na Kubani* [Kuban Stanitsas. Ethnic, cultural and everyday life processes in the Kuban region]. Moscow: Nauka, 1967. (In Russian)

Ratushnyak, T.V. *Razvitie kraevedeniya na Kubani (konets XVIII – pervaya tret' XX v.)* [Development of local history in the Kuban region (late 18th – first third of the 20th century)]. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2013. (In Russian)

Zhiganova, S.A. “Kubanskaya svad'ba kak muzykal'no-etnograficheskaya traditsiya pozdnego formirovaniya” [Kuban wedding as a musical and ethnographic tradition of late formation]. PhD thesis, Gnesin Russian Academy of Music, 2008. (In Russian)

Информация об авторах

Олег Владимирович Матвеев – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>, vim12@rambler.ru, Кубанский государственный университет (д. 149, ул. Ставропольская, 350040 Краснодар, Россия).

Information about the authors

Oleg V. Matveev – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia, <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>, vim12@rambler.ru, Kuban State University (149, ul. Stavropol'skaya, 350040 Krasnodar, Russia).

Статья поступила в редакцию 11.08.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted 11.08.2023; approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 17.05.2024.